

ОЛИВИЯ МЭННИНГ
друзья и герои
балканская трилогия

Один из лучших романов
о Второй мировой войне
Энтони Бивор

ad marginem

Оливия Мэннинг

Друзья и герои

Серия «Балканская трилогия», книга 3

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69153634
Друзья и герои. Роман: Ад Маргинем Пресс; Москва; 2023
ISBN 978-5-91103-648-5*

Аннотация

После вступления Румынии в войну на стороне стран «оси» Принглы устремляются из Бухареста в Грецию в составе группы беженцев, состоящей из высокопоставленных лиц, русских белоэмигрантов, журналистов и мошенников. Однако в Афинах супругам предстоит столкнуться с новым вызовом, не менее суровым, чем расплзающаяся по Европе война. Тонкие наблюдения Оливии Мэннинг о любви, браке и дружбе посреди исторической катастрофы складываются в панораму драматических обстоятельств поврежденной жизни и живое свидетельство эпохи.

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	14
3	48
4	65
5	97
6	115
7	127
8	131
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Оливия Мэннинг

Друзья и герои

Роман

Посвящается Дваю и Дафне Эванс

Olivia Manning
Friends and Heroes

* * *

Издательство благодарит литературное агентство Van Lear за помощь в получении прав на издание данной книги.

© Olivia Manning, 1965

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2023

Часть первая

Антагонисты

1

Когда портье позвонил и сообщил, что в вестибюле гостиницы ее ожидает некий джентльмен, Гарриет Прингл поспешно бросила трубку и выбежала из комнаты, даже не обувшись.

Уже два дня она не отходила от телефона. Последние три ночи в Афинах ей не спалось из-за тревоги и нетерпения. Ее муж остался в Румынии – стране, которую после отъезда Гарриет оккупировали немцы. Возможно, ему удалось сбежать. Возможно, сейчас он ожидает ее в вестибюле. Добежав до угла, она увидела, что это всего лишь Якимов в своей обвисшей панаме, и пошла обратно за туфлями, однако по-прежнему торопливо. Даже Якимов мог принести какие-то вести.

Спустившись вновь, она увидела, что Якимов сторблен, словно старая лошадь. Гарриет охватили самые страшные предчувствия, и, не в силах вымолвить ни слова, она коснулась его руки. Он поднял печальное лицо и, увидев ее, заулыбался.

– Всё хорошо, – сказал он. – Наш дорогой мальчик уже в пути.

Ему так хотелось поскорее успокоить ее, что его большие виноградно-зеленые глаза чуть не выскакивали из глазниц.

– Записал сообщение от него. Где-то оно у меня лежит. Здесь, что ли... Кто-то в Бухаресте позвонил в Британскую миссию. Один из наших ребят сказал мне: мол, вы же знакомы с миссис Прингл, так занесите ей весточку. – Он продолжал шарить в карманах чесучового пиджака. – Это просто листок такой, знаете, записка.

Он залез в нагрудный карман, и она увидела, как в прорезах пиджака мелькает фиолетовый шелк рубашки, а в прорезах рубашки – иссиня-белая безволосая подмышка. Все карманы прохудились, и записка могла давно потеряться. Гарриет не дыша наблюдала за поисками, понимая, что малейший признак нетерпения только встревожит Якимова.

Теперь между ними установились вполне приятельские отношения, но так было не всегда. Год назад Якимов – князь Якимов – поселился у них в квартире и отказывался съезжать до тех пор, пока не счел Бухарест слишком опасным местом. Гарриет не любила Якимова, а он ее боялся, но, встретившись в Афинах, они поладили. Он был единственным человеком в этом городе, кто понимал ее страхи, и его утешение стало единственной опорой для Гарриет.

– Вот она! – воскликнул Якимов. – Вот! В целостности и сохранности!

Она взяла бумажку и прочла: «*Отправился в путь. Встретимся вечером*».

Видимо, сообщение пришло несколько часов назад. День близился к вечеру. Гай, должно быть, уже приземлился в Софии и выяснил, как и она несколькими днями ранее, что румынский самолет дальше не летит и ему придется продолжать путь на самолете «Люфтганзы». Немецкая авиакомпания дала согласие на перевозку граждан союзных стран над нейтральной территорией, но ходили слухи, что некоторые самолеты отправляли в Вену, где британских подданных арестовывали. Гарриет это не грозило, но Гай, будучи мужчиной призывного возраста, рисковал.

Видя, как у нее вытянулось лицо, Якимов потрясенно спросил:

– Разве вы не рады? Это же великолепная новость!

Она кивнула и опустилась на диван, прошептала: «Просто замечательная» – и закрыла лицо руками.

– Дорогая моя!

Гарриет подняла голову. В глазах у нее стояли слезы. Она рассмеялась:

– Гай прилетит вечером!

– Ну вот! Я же говорил, что всё будет хорошо.

Смесь облегчения и усталости окончательно лишила ее сил. Гарриет не двигалась с места, понимая, что ожидание еще не закончилось. Предстояло дожить до вечера.

Якимов с тревогой посмотрел на нее:

– Почему бы нам не прогуляться? Подышать воздухом. Это пойдет вам на пользу.

– Да. Да, с удовольствием.

– Так надевайте же шляпку.

Когда они вышли из гостиницы, Гарриет почувствовала себя как после долгой болезни. Улица была вся в тени, но впереди виднелся солнечный свет. Якимов повернул в другую сторону, и она попросила:

– Пойдемте туда.

– Туда? – сконфуженно переспросил он. – Это площадь Конституции. Хотите по ней пройти? Так мы сделаем крюк.

– Разве мы куда-то спешим?

Якимов не ответил. Они вышли на площадь, где располагался небольшой сквер, скучный и пыльный. На деревьях висели выцветшие апельсины. Дома вокруг заняты гостиницами и важными конторами, пояснил Якимов. Некоторые были облицованы мрамором, другие оштукатурены и выкрашены в розовый цвет. Во главе площади высилось здание парламента. Когда-то это был дворец, и строение до сих пор сохраняло некоторое величие. Его окружал городской парк – заросли кустарника, над которыми вздымались пернатые верхушки пальм. У входа в парк росли четыре огромные пальмы с серебристыми стволами. Дома, деревья, автомобили, пальмы, прохожие – всё словно дрожало в жарком мареве осеннего дня.

Афины, подумала Гарриет. Долгожданное убежище.

Бухарест располагался в сердце Европы, а этот город лежал у самого Средиземного моря. В Бухаресте уже начиналась зима. В Афинах, казалось, лето будет длиться вечно.

Если удастся дожить до вечера, они встретятся с Гаем. Она представила, как его самолет летит над бирюзовым Эгейским морем, и мысленно пожелала ему не сбиться с курса. Гай оставил позади несчастную столицу и маниакальных ставленников «нового порядка». Оставалось только дождаться его благополучного прибытия. Мысли вышли из-под контроля, и ей вспомнились те, кого они оставили позади. Например, Саша.

Якимов, изображая хозяина и экскурсовода, указывал ей на местные достопримечательности. Осознавая свое превосходство, он держался довольно величаво.

– Неплохой городок, – сказал он. – Мне всегда здесь нравилось. Ваш старый Яки тут свой.

Он оставил позади свои долги, а новые знакомые пока ничего об этом не знали. Ему удалось найти работу. Хотя одежда его уже не поддавалась починке, ее выстирали и отгладили, и он носил ее с видом человека со значительным прошлым. Кивнув в сторону нарядного здания на углу, он пояснил:

– Это «Гранд-Бретань».

– А что это такое?

– Ну, дорогая моя! Это лучшая гостиница. «Гранд-Бре-

тань». Яки тут не раз бывал. Пожалуй, перееду сюда, когда обзаведусь деньжатами.

Свернув на главную улицу, он начал оступаться. Всё его длинное, худое тело словно обвисло. Они прошли едва ли пару сотен ярдов, но, пробираясь сквозь толпу, он начал жаловаться:

– Очень долгая прогулка. Вашему бедному Яки такое тяжело. Ноги уже не те. Утомительное место: то вверх, то вниз, жарко, пыльно. Постоянно надо подкрепляться.

Впереди показалось большое кафе. Облегченно вздохнув, Якимов заявил:

– Новое кафе «Зонар»! Неплохое место. Мое любимое, знаете ли.

Всё здесь было сверкающе новым: большие окна, полосатые навесы, выставленные на улицу столики. Посетители были одеты по-летнему: женщины в шелках, мужчины в серебристо-серых костюмах. Официанты, все в белом, разносили на блестящих подносах сияющие на солнце кофейники. На витринах внутри кафе красовались конфеты и изысканные торты.

– Кажется, здесь довольно дорого, – сказала Гарриет.

– Пожалуй, – согласился Якимов. – Но удобно. Надо же куда-то ходить.

Они перешли улицу. Подойдя к кафе, Якимов остановился:

– Если бы у меня были при себе деньги, я бы пригласил

вас передохнуть здесь.

Так вот каков был его замысел! Гарриет поняла намек. Он доставил ей благую весть и теперь ожидал вознаграждения.

– Мне удалось обменять в гостинице немного румынских денег, – сказала она. – Позвольте мне угостить вас.

– Ну как же, дорогая моя, разумеется. Если вы хотите отдохнуть, я с радостью к вам присоединюсь.

Он опустился в ближайшее плетеное кресло и с важным видом спросил:

– Чего бы вам хотелось?

Гарриет сказала, что выпила бы чаю.

– Думаю, мне стоит выпить капельку коньяка. Чай сушит горло.

Когда им принесли напитки, официант положил рядом с бокалом Якимова счет. Тот пододвинул его к Гарриет и стал с довольным видом потягивать коньяк.

– Здесь очень большая русская колония, знаете ли, – сказал он. – Прекрасные люди, все лучшие семейства. И здесь есть русский клуб, где подают русские блюда. Просто восхитительно. Один из членов этого клуба сказал мне: прекрасная, мол, у вас фамилия, ваш отец не служил при дворе?

– И что же, служил?

– Не спрашивайте меня, дорогая, всё это было так давно. Яки тогда был совсем ребенком. Но мой отец и вправду входил в число приближенных ко двору лиц, тут сомневаться не приходится. Мое соболиное пальто ему подарил сам царь. Я

вам не рассказывал?

– Возможно, упоминали как-то.

– Вы, наверное, знаете, что моя матушка скончалась?

– Я не знала. Мне очень жаль.

– Никакого больше содержания. Старушка была очень добра ко мне, но не оставила ни гроша. Жила на ренту. Ничего не осталось. Рента – дурное изобретение.

Он осушил бокал и выжидающе глянул на Гарриет. Та кивнула, и он снова подозвал официанта.

В прошлом ей претила жадность Якимова, но теперь она оставалась равнодушна. Важным было только одно – скоротать несколько часов. Время было препятствием, которое надо было преодолеть. Больше всего на свете ей хотелось увидеть автобусную остановку на взлетном поле.

– Взгляните-ка на того типа! – сказал Якимова. – Того, что увешан коврами. Это турок. Я знал одного такого в Париже. Мой друг, американец, купил у него весь товар. Бедняга отправился домой без единого ковра, подхватил пневмонию и умер.

Гарриет улыбнулась, понимая, что Якимов пытается развлечь ее, но не смогла сосредоточиться на его болтовне. Она огляделась. Спокойная атмосфера Афин тревожила ее: ей никак не удавалось поверить, что она находится в безопасном и уютном месте. Ее мыслями всё еще владела тревога последних месяцев. Якимов продолжал болтать, но окружающая обстановка растаяла перед ее взором, и вместо уют-

ного кафе Гарриет вдруг увидела их бухарестскую квартиру такой, какой они нашли ее накануне ее отъезда. В тот вечер, вернувшись домой, Принглы увидели, что двери распахнуты, повсюду горит свет, белье с постелей сброшено, фотографии в рамках разбиты, ковры сорваны со стен, а книги раскиданы по полу.

Они с Гаем укрывали Сашу – юного еврея, дезертировавшего из армии. Бандиты из «Железной гвардии» искали компромат на Гая, а нашли Сашу. Мальчик исчез. Более они ничего о нем не знали – и, возможно, уже никогда не узнают.

Якимов откашлялся, пытаясь привлечь ее внимание. Его бокал снова опустел, но в этот момент показался автобус, идущий к аэродрому. Гарриет покопалась в сумочке в поисках денег.

– Мне надо идти, – сказала она.

– Не уходите, дорогая моя. У нас хватит времени еще на один бокальчик. Автобус стоит здесь минут двадцать. Он вечно здесь стоит. Еще один... хотя бы один...

Якимов мрачно наблюдал за удаляющейся фигурой Гарриет. Если бы он знал, что она бросит его так скоро, то не торопился бы допивать коньяк.

Гарриет села в автобус, готовая ждать сколько потребует-ся. Она словно одержала еще одну победу над временем. Ей казалось, что к тому моменту, когда самолет Гая приземлится, она окончательно победит свою тревогу.

Самолет Гая прибыл точно по расписанию. Он приземлился в тот восхитительный, воспетый Пиндаром момент, когда мраморный город и окружившие его холмы сияли в закатных лучах, подобно лиловой аметистовой друзе.

Стоя на выгоревшем взлетном поле, Гарриет ожидала этого волшебного сияния, которое должно было предвосхитить появление Гая. Закатное великолепие стало бы своеобразным подарком ему. Но вот буйство красок достигло апогея, после чего свет начал меркнуть; некоторое время на вершушках холмов еще виднелись винно-красные отблески, после чего угасли и они, и Гарриет осталась наедине со своей тревогой. Лишь через час над Парнис¹ замигали посадочные огни самолета «Люфтганзы».

Наконец самолет сел. Гарриет увидела Гая на ступеньках трапа. Он был близорук и, ослепленный светом фонарей, понимал, что не найдет ее сам, поэтому просто застыл там в ожидании – большой, неряшливо одетый мужчина в очках, в одной руке книга, в другой – старый рюкзак. Несколько секунд она глядела на него, не веря своим глазам, а потом побежала. Когда они встретились, она расплакалась.

– Что случилось? – спросил он.

---

¹ Парнис – горный хребет, расположенный к северу от Афин. – Здесь и далее – примечания переводчика.

– А ты как думаешь? Я переживала!

– Ну не за меня же! – Он рассмеялся, затем нахмурился, чтобы скрыть беспокойство, и взял ее за руку. – Ты же знала, что я справлюсь.

Он был столь скромн, что не ожидал, что Гарриет так встревожит нависшая над ним опасность. Он обнял жену и сказал: «Глупышка». Она прижалась к нему и повела к таможенному пункту.

Когда багаж выгрузили из самолета, Гай забрал свой чемодан. Он сходил на их старую квартиру и набил рюкзак и чемодан книгами.

– А как же твоя одежда? – спросила Гарриет.

– У меня в рюкзаке есть смена белья. С остальным я возиться не стал. Одежду везде можно достать.

– Как и книги, – сказала она, но спорить было уже поздно. – В квартире кто-то был?

– Нет, там всё так же, как и было.

– Никаких вестей о Саше?

– Никаких.

Когда автобус остановился на углу напротив «Зонара», Гарриет указала на сияющие окна и столики, окруженные плетеными стульями, и сказала:

– Там сидит Якимов. Это его любимое место.

– Яки тоже здесь! Прекрасно! Давай отнесем багаж и пойдем к нему.

– У тебя есть деньги?

– Ни единой драхмы. Но у тебя же что-то есть?

– Совсем немного. И я жутко устала.

Гаю не терпелось погрузиться в новый мир, но он вынужден был признать, что тоже устал. Это его встревожило, но, поразмыслив, он сказал:

– Прошлой ночью я не спал. Может быть, в этом дело.

– И чем ты был занят?

– Мы с Дэвидом играли в шахматы. Я хотел переночевать в нашей квартире, но Дэвид сказал, что это будет безумием, поэтому мы пошли к нему.

– Ты оставил его в Бухаресте?

– Нет. Его должность не подразумевает дипломатических привилегий, поэтому его выслали в Белград. Мы вместе добрались до Софии.

Гай улыбнулся, вспоминая их прощание. Как сказал Дэвид, они были свидетелями *bouleversement*² до самого конца.

– Когда мы ужинали, – сказал он, – вокруг сидели одни немецкие офицеры. Мы никак не могли перестать смеяться. Я решил, что останусь в случае необходимости, и Дэвид называл меня стойким оловянным солдатиком. Мы так хохотали. Немцы то и дело на нас оглядывались. Видимо, думали, что мы сумасшедшие.

– Ты и есть сумасшедший, если хотел остаться в Румынии.

– Ну не знаю. Мне не приказывали уехать, но на следующее утро на меня набросились в миссии и сказали, что нас

---

² Здесь – разгром (*франц.*)

всех высылают. На этот раз безотлагательно. Дэвид как раз собирался в аэропорт, так что я поехал с ним. Молодой Фицсимон обещал сообщить тебе.

– Да, кто-то сюда дозвонился. Якимов мне передал. Знаешь, он говорит, что занимает ужасно важный пост. Его взяли в Информационное бюро.

– Милый Яки. Я буду ужасно рад его видеть.

В тусклом освещении, царившем в подвальной столовой гостиницы, обычно свежее лицо Гая казалось серым и осунувшимся. Пока они ужинали, он то и дело вздыхал от усталости и удовольствия, но не выказывал ни малейшего намерения идти спать. Вечер только начинался; неизвестно, что их еще ожидало.

– Пойдем посмотрим город, – предложил Гай.

Они отправились в «Зонар», но Якимова там не было. Они побродили по улицам еще с полчаса, но так и не встретили ни одного знакомого. Гай был явно разочарован и наконец признал, что совершенно выбился из сил и хочет вернуться в гостиницу.

В свое первое утро в Афинах Гай объявил за завтраком:

– Мне нужно встретиться с директором и получить работу. Ты уже что-нибудь о нем узнала?

– Только то, что его зовут Грейси. Якимов его не знает, а я слишком беспокоилась о тебе, чтобы заниматься этим.

– Пойдем в Организацию³. Объявим о нашем прибытии и попросим устроить нам встречу с Грейси.

– Да, но не сегодня же. Это наше первое утро здесь! Я думала, что мы пойдем к Парфенону.

– Парфенон! – Гай был потрясен этим предложением, но, увидев, что она говорит серьезно, смягчился. – Обязательно пойдем, но не сегодня. Во-первых, у нас нет времени.

– Я думала, что так мы можем отпраздновать твой приезд. Мне хотелось, чтобы это было первым, что мы сделаем тут вместе.

Гай рассмеялся:

– Но мы же никуда не спешим, верно? Парфенон простоял две тысячи лет, простоит и до завтра. Возможно, даже и до следующей недели.

– Как и Организация.

– Будь же благоразумна, милая. Я не в отпуске. Всем, кто вынужден был уехать, полагалось явиться в каирское представительство. Меня вообще не должно быть здесь. Я рисковал, приехав сюда, и, если я сразу же отправлюсь на прогулку, делу это не поможет.

– Никто не знает, что ты здесь. Мы потратили бы всего лишь одно утро, – запротестовала Гарриет, но вяло, понимая, что Гай, как обычно, прав. Каир стал своего рода чистилищем для британских сотрудников, которых вытеснили из Европы немецкие войска. Надеюсь избежать этого болота,

---

³ Под Организацией подразумевается представительство Британского совета.

Гай наперекор приказам прилетел в Афины. Он мог оправдаться, лишь найдя работу.

Видя разочарование Гарриет, Гай сжал ее руку.

– Мы обязательно проведем утро вместе, обещаю. Как только всё устроится. И если ты хочешь пойти к Парфенону – что ж, мы обязательно туда пойдем.

Оказалось, что Гай уже узнал у портье дорогу к Организации. После завтрака им предстояло тут же отправиться в путь. Канцелярия располагалась в школе, а школа находилась в старом районе недалеко от музея. По совету портье они сели в трамвай, который проходил мимо гостиницы, и, устроившись на втором этаже, разглядывали многолюдные улицы, залитые утренним светом. Вложив свои пальцы в ладонь Гая, Гарриет сказала:

– Мы здесь вместе. Что бы ни произошло, этого у нас никто не отнимет.

– Никто, – подтвердил Гай. – Мы здесь останемся.

Гарриет была впечатлена. Гай по природе был терпелив и не склонен к жалобам, поэтому его редко высказываемые требования к жизни имели, казалось, сверхъестественную силу. Она тут же поверила, что они и вправду тут останутся.

Улицы вокруг площади Омония, застроенные старомодными домами, были обшарпанными, однако школу – большое здание на углу – отреставрировали, вернув ей былое величие XIX века, и разбили перед ней клумбы с цинниями и геранью. Двустворчатые двери были прихотливо отделаны

латунью, а стекла в них украшены выгравированными ири-сами. Внутри застеленная красным ковром лестница вела к еще одной застекленной двери с табличкой «Лекционный зал». Заглянув внутрь, Гарриет увидела человека, обращавшегося с кафедры к студентам.

– Угадай, кто там читает лекцию? – тихо спросила она Гая. Тот был слишком близорук, чтобы разглядеть преподавателя.

– Кто?

– Тоби Лаш.

– Да ты что!

– Собственной персоной. С трубкой, как обычно.

Гай схватил ее за руку и потянул прочь.

– Думаешь, они оба тут? Тоби и Дубедат?

– Наверное. Кажется, Якимов упоминал, что Тоби занимает здесь какой-то важный пост.

Помолчав немного, Гай решительно сказал:

– Это хорошо.

– Почему же?

– Они смогут замолвить за меня словечко.

– Но станут ли?

– Почему нет? Я же помог им, когда они нуждались в помощи.

– Да, но, когда в помощи нуждался ты, они сбежали из Румынии и бросили тебя разбираться самостоятельно.

Они стояли в коридоре, где на дверях висели таблич-

ки: «Директор», «Старший преподаватель», «Библиотека» и «Комната отдыха преподавателей». Прежде чем Гарриет успела добавить еще что-нибудь о Лаше и Дубедате, Гай открыл дверь библиотеки и сказал:

– Подождем здесь.

За конторкой сидела гречанка. Она дружелюбно поприветствовала их, но пришла в ужас, стоило Гаю поинтересоваться, когда можно увидеть директора.

– Директора здесь нет, – ответила она.

– А где его можно найти? – спросила Гарриет.

Девушка опустила взгляд и покачала головой, словно директор был слишком великим человеком, чтобы обсуждать его вот так запросто.

– Если вы подождете, – сказала она Гаю, – то можете увидеть мистера Лаша.

– Я бы хотел договориться о встрече с мистером Грейси, – сказал Гай.

– Не думаю, что это возможно. Вам надо будет поговорить с мистером Лашем. Но я могу записать вас на прием к мистеру Дубедату.

– А мистер Дубедат сейчас здесь?

– Нет, что вы. Сейчас его нет. Он очень занят. Он работает дома.

– Понятно.

– Пойдем отсюда, – пробормотала Гарриет.

Гай был сконфужен.

– Если мы уйдем, – возразил он, – нам придется сюда вернуться. Раз уж мы здесь, лучше подождать и поговорить с Тоби.

Гай отправился разглядывать книжные полки, а Гарриет осталась у двери. Ей хотелось увидеть, как отреагирует Тоби Лаш, встретив их здесь. Лаш и Дубедат когда-то прибыли в Бухарест из оккупированных стран, и Гай взял их на работу. Эта парочка сдружилась и в один прекрасный момент, не посоветовавшись ни с Гаем, ни с кем-либо еще, втайне покинула город, опасаясь германского вторжения.

Гарриет услышала, как Тоби шаркает ногами в коридоре. Он нажал на дверную ручку и ввалился внутрь; руки его были заняты книгами, волосы упали на глаза. Он наткнулся на Гарриет, узнал ее и в смятении уставился на нее. Подозрительно оглядевшись, он увидел Гая и уронил книги, после чего схватился за свою трубку. Присосавшись к ней, он пришел в себя и выдавил:

– Ну надо же!

Гай обернулся, улыбаясь так невинно и дружелюбно, что Тоби тут же успокоился, бросился к нему и схватил его за руку.

– Это просто чудо! – воскликнул он, тряся своими пышными усами. – Просто чудо! И Гарриет здесь!

Он обернулся к ней, словно только что ее заметил.

– Когда вы сюда приехали, дорогие мои?

Гай уже собирался ответить, как Тоби воскликнул: «Пой-

демте в кабинет!» – и вытеснил их из библиотеки, так что они не успели сказать ни слова. Он отвел Принглов в комнату, на двери которой висела табличка «Старший преподаватель», усадил на стулья, а сам устроился за большим столом.

– Ну что ж, – сказал он с довольным видом и оглядел их, выпучив глаза в комическом изумлении, словно сомневаясь в их реальности. – Кто бы мог подумать! То есть вам всё же удалось сбежать от этого всего?

– От чего именно? – спросила Гарриет.

Тоби воспринял ее слова как шутку. Пока он хохотал, его грубое бледное лицо исказилось, словно было слишком мягким, чтобы удерживать форму. Он крепко сжимал свою трубку – единственный надежный ориентир в мире, где могло произойти всё что угодно. На нем был всё тот же старый пиджак с кожаными заплатками, бесформенные фланелевые штаны, которые он называл «трубами», и тяжелые ботинки, но его манера держаться свидетельствовала, что он стал влиятельным человеком. Когда с приветствиями было покончено, Тоби с важным видом устроился в кресле и обратился к Гаю:

– Держите путь на загадочный Восток, так? Загадочный Ближний Восток, вернее?

– Нет, мы хотим остаться здесь. Вы можете устроить мне встречу с Грейси?

– Вот как!

Тоби опустил взгляд. Пока он размышлял над просьбой

Гая, голова его опускалась всё ниже и ниже, пока наконец он не сказал благоговейным тоном:

– Мистер Грейси очень болен. Он не дает обычных аудиенций.

– Может быть, устроить необычную аудиенцию? – вмешалась Гарриет.

Тоби покосился на нее, вытащил изо рта трубку и торжественно сообщил:

– Мистер Грейси повредил позвоночник.

Он сунул трубку обратно в усы и принялся раскуривать ее.

– Кто занимается его работой, пока он нездоров? – спросил Гай.

– Хм, хм, хм. – Тоби, посасывая трубку, бросил одну спичку и зажег другую. – На самом деле никто.

– А кто его замещает?

– Сложно сказать. Мистер Грейси не занимается никакой работой, но ему нравится думать, что он по-прежнему всё контролирует. Сами понимаете!

Гай кивнул. Он и вправду легко мог понять эту ситуацию.

– Но у него же должен быть заместитель. Не мог же он управлять всем этим в одиночку.

– Ну нет.

Тоби зажег очередную спичку; последовала длинная пауза: он раскуривал трубку. Наконец, как ни странно, из чашечки всё же потянулся дым, и Тоби, помахав спичкой, с заговорщическим видом склонился к Гаю.

– Сказать по правде, когда мы приехали, то нашли мистера Грейси в затруднительном положении. Двое его помощников незадолго до того сбежали, оставив его... – Тоби нервно глянул в сторону Гарриет, – в затруднительном положении.

– Почему?

– Так вышло. Причины мне неизвестны, но сами знаете, как это бывает: недопонимание, кто-то погорячился... Такое случается! Как бы то ни было, они уехали.

– Как им это удалось? Сотрудники же являются военно-обязанными.

– Их перевели. У одного из них были связи: его отец член парламента или что-то в этом духе. Мутная история, на мой взгляд. Они хотели уехать домой, но их отправили на Дальний Восток. Мистер Грейси заявил, что ему нужны новые помощники, но в Лондоне не нашлось никого. У них свои нормативы. Ему сказали, что придется подождать и обойтись силами местных учителей. У него было два-три грека и один мальтиец, но читать лекции было некому. В этот момент мы сюда и приехали.

– Значит, вы спасли положение?

– Можно сказать и так.

– И кто теперь читает лекции? – спросил Гай.

– Некоторые читает Дубедат. Кстати говоря... – в голосе Тоби зазвучала застенчивая гордость, – я и сам иногда читаю лекции.

– По какому предмету?

– По английской литературе, конечно.

У Гая, казалось, не было слов, и Гарриет сказала:

– Судя по всему, Грейси будет рад приезду Гая.

Лицо Тоби напряглось.

– Ну, этого я не знаю. Не могу сказать.

Он уставился на стол и пробормотал:

– Людей всё меньше... работы здесь особо нет... местных учителей приходится увольнять... тут очень тихо.

Гарриет перебила его:

– Из того, что вы сказали, следует, что здесь некому было навести порядок.

– Это будет решать мистер Грейси.

Тоби выпрямился и наградил Гарриет суровым взглядом. Пытаясь исключить ее из разговора, он повернулся к Гаю:

– Мистер Грейси пострадал в результате несчастного случая, но он отказывается признавать свое поражение. Им можно только восхищаться. Он как может управляет делами из постели, если вы понимаете, о чем я. Ему нельзя противоречить, нельзя заявить: «Вы не справляетесь, тут надо навести порядок». Не так ли?

Он нахмурился, и Гай, тронутый этой речью, сочувственно кивнул. Последовала долгая горестная пауза, которую прервала Гарриет:

– Когда Гай может встретиться с мистером Грейси?

Тоби выпрямился и положил ладони на стол, словно недостаток такта со стороны Гарриет вынуждает его продемон-

стрировать, кто здесь главный.

– Я мог бы... – Он заколебался и затаился трубкой, прежде чем продолжить. – Я мог бы устроить вам встречу с Дубедатом.

– Вы что, шутите? – спросила Гарриет.

Не обращая на нее внимания, Тоби обратился к Гаю:

– Не знаю точно, когда он сможет вас принять. Возможно, не в ближайшие дни. Он по уши в работе. Он здесь почти что за главного, знаете ли! Но я уверен, что он согласится с вами встретиться.

Тоби уверенно кивнул и поднялся на ноги.

– Где вы остановились?

Он записал название их гостиницы, после чего протянул Гаю широкую мягкую ладонь.

– Мы с вами еще встретимся, – пообещал он. – И я сделаю для вас всё, что могу. Обещаю.

Вернувшись в пыльную уличную жару, Принглы молча дошли до площади Омония, после чего Гарриет взорвалась:

– Аудиенция с Дубедатом! До чего мы дошли!

Гай коротко рассмеялся и вынужден был признать:

– Это было неожиданно.

Он был бледен, и Гарриет не стала говорить ему, что, по ее мнению, причиной всего произошедшего была его чрезмерная щедрость. Тоби был абсолютно некомпетентен, Дубедат был весьма посредственным преподавателем. Никаких талантов у них не было. Гай мог бы справиться без них –

и в конце концов ему пришлось справляться без них. Если бы он их не нанял, их бы отправили в Египет и, возможно, мобилизовали бы. Теперь же они затаили злобу, потому что Гай не давал им развернуться. Тоби хотел стать лектором, но Гай не желал об этом и слышать. Вспоминая, каким тоном Тоби сказал: «Я и сам иногда читаю лекции», Гарриет понимала, что он так и не простил Гаю того, что тот встал на пути к его мечте. Теперь она видела, что Гай мог вызывать в людях и враждебность. Он давал им не слишком мало – наоборот, слишком много. От тех, кто дает много, всегда ожидают большего, и именно их винят, когда они отказываются.

– На твоём месте я бы настояла на встрече с Грейси, – сказала она. – И не принимай никаких отказов.

– Я обязательно добьюсь встречи с ним. Я скажу Дубедату...

– Ты же не будешь встречаться с Дубедатом? Было бы глупостью вообще иметь с ним дело.

– Почему нет? Он же наш товарищ.

– Как и Тоби Лаш.

– Тоби – скотина, но Дубедат совсем другой. Он не дурак.

С ним проще будет договориться.

– Посмотрим.

У веры Гая – даже ничем не подкреплённой – были свои основания, и Гарриет не хотела поколебать его решимость. Их положение и так было шатким. Она удовольствовалась тем, что сказала:

– Тоби думает, будто запугал нас, и мы уедем. Он знает, что денег у нас мало. Без денег сложно задержаться в чужой столице.

– Мы задержимся здесь настолько, насколько получится, – сказал Гай.

На улице Стадиум он нашел бюро обмена, где обменял румынские леи на драхмы. Обмен был произведен неохотно и по самому невыгодному курсу, но Гай был рад получить хоть какие-то деньги и тут же возжелал их потратить.

– Пойдем в то кафе, про которое ты мне говорила. Любимое место Якимова.

– В «Зонар». Там недешево.

– Это неважно.

Свободные стулья нашлись только на солнцепеке; они уселись среди зажиточных, праздных греков, которые читали английские газеты, сообщавшие: «Семь немецких субмарин утонуло». Этот заголовок привлек внимание Принглов: в Румынии им казалось, что тонут только британские корабли.

Увидев англичан, любезный старый грек подошел к ним и протянул газету. Гай дал ему банкноту, и старик не сбежал с ней и не стал клянчить еще: он аккуратно отсчитал сдачу и положил ее на стол. Когда Гай передвинул несколько монет обратно, старик с поклоном их забрал.

Пока Гай читал газету, Гарриет наблюдала, как между стульями пробираются торговцы, продающие посетителям нугу, орехи и гублики. Один из них, поймав ее взгляд, предло-

жил ей огромную губку, желтую, как дыня. Она дернула подбородком, как это было принято у греков, и пробормотала: «Охи»⁴. Мужчина предложил ей другие губки – кремовые, золотистые, бежевые и коричневые, но всякий раз Гарриет поводила подбородком и всё тише отказывалась. В отличие от жутких бухарестских нищих, продавец не разозлился, но улыбнулся, одобряя ее поведение, и пошел дальше. Усевшись поудобнее, она почувствовала, как напряжение спадает, словно невидимый груз, который она несла на своих плечах слишком долго, стал понемногу терять вес. Какой чудесной могла бы быть их жизнь под этим праздным солнцем! Здесь судьба Румынии казалась каким-то незначительным, далеким недоразумением.

В Афинах быть англичанином значило пользоваться всеобщим уважением. Греки и англичане не просто были объединены одной целью – их связывала взаимная симпатия. Если бы они могли остаться здесь, им с Гаем не о чем было бы волноваться. Желая, чтобы он признал, как им повезло, Гарриет сказала:

– Как здесь чудесно!

Подняв взгляд от газеты, он повернулся к солнцу и кивнул.

– Безопасность! – продолжала она. – Как хорошо ощущать, что ты в безопасности. Быть среди людей, которые с тобой на одной стороне.

---

⁴ Охи (греч. *όχι*) – нет.

Они приехали из страны, где всем заправлял страх, поэтому Гарриет особенно сильно ощущала, как спокойны греки. У них было право на это спокойствие: их достоинство не было задето.

Дочитав тоненькую газету, Гай с напряженным любопытством стал разглядывать прохожих. Он хотел узнать их и быть узнанным ими. Гарриет довольно было наблюдать за людьми – Гай стремился к общению. Она подумала, что было бы хорошо увидеть кого-то знакомого, с кем Гай мог бы поговорить. В этот момент они действительно увидели знакомого – Тоби Лаша.

– Боже правый! Гляди-ка! – сказала она.

Гай повернулся, и лицо его вытянулось. Тоби с тревожным видом выбрался из такси, и, пока он протискивался между прохожими, движения его были такими неловкими, что он казался помешанным. Увидев их, он воздел руки и воскликнул:

– Вот вы где! Я так и думал, что застану вас здесь.

Он рухнул на стул и промокнул стекавший по лицу пот.

– Мне надо выпить. А вам?

Он махнул, чтобы подозвать официанта, и выбил у него из рук поднос.

Принглы выжидательно смотрели, как Тоби заказывает узо⁵.

– Ну что ж! – сказал он решительно, словно готовясь объ-

---

⁵ Узо – анисовая водка, традиционный крепкий напиток в Греции.

завить решение проблемы Гая. – Я поговорил с *самим*.

– С директором? – спросил Гай.

– Нет, нет. С Дубедатом. И он велел передать, что мы сделаем что сможем.

Тоби уставился на Гая, ожидая благодарностей, но Гай промолчал. Тоби неуверенно продолжал:

– В конце концов, вы же сделали для нас что могли.

– Что, по-вашему, можно будет сделать?

Этот вопрос, казалось, успокоил Тоби. Он развалился в кресле и достал трубку, после чего с важным видом заявил:

– Старик полагает, что мы сможем найти для вас место учителя.

– Какая наглость! – воскликнула Гарриет.

Тоби хохотнул и повернулся к Гаю, словно желая намекнуть, что без женщин жизнь была бы куда проще. Разгневавшись еще сильнее, Гарриет продолжала:

– Гай – официальный сотрудник Организации. Он получил назначение в Лондоне и приехал сюда по контракту. Грейси – директор представительства. Если Гай желает видеть его, Грейси обязан его принять.

– Не думаю, – высокомерно произнес Тоби. – У вашего муженька нет никакого права здесь находиться.

– У него есть право, если здесь для него есть работа. Вы сами говорили, что Грейси просил Лондон прислать преподавателей.

– Это было год назад. С тех пор многое изменилось. В

Европу больше никого не посылают. Европу списали.

– Но Грецию же не списали.

– Пока что нет, но кто знает, что будет дальше? Здесь всё непросто. С августа положение очень усложнилось.

– Почему? Что случилось в августе?

– Итальянцы торпедировали греческий корабль. Это вызвало много волнений. Со дня на день всё может вспыхнуть.

– Вот как.

На это Гарриет было нечего ответить. В этом мире только полный невежда смог бы жить счастливо.

Видя, что он наконец-то поставил ее на место, Тоби великодушно похлопал Гарриет по руке и ухмыльнулся. Восстановив свое мужское превосходство, он отхлебнул узо – неразбавленное, какое и полагалось пить мужчинам, – и продолжил:

– Что же! Мы поговорим с мистером Грейси. Завтра мы его увидим. Возможно, даже заглянем к нему сегодня вечером. Почему бы и нет? Как бы то ни было, вы можете на нас положиться. Мы замолвим за вас словечко. Скажем, что на вас можно положиться, что вы достойный парень, хороший учитель, душа компании. Один из лучших, надо сказать.

Гай выслушал перечисление своих добродетелей с непроницаемым видом и ответил только:

– Нам понадобятся деньги.

– Это мы сейчас решим.

Тоби изучил счет, лежавший рядом с его стаканом, и вы-

ташил пригоршню монет.

– Я заплачу, – сказал Гай.

– Ну что ж. Мне надо возвращаться в школу, сегодня непростой день. В полдень у меня еще одна лекция. В общем, ни о чем не беспокойтесь. Мы дадим вам знать.

Тоби позвонил такси и уехал.

– Его послали за нами, – произнесла Гарриет. – Он позвонил Дубедату, и тот сказал: беги за ними, идиот, успокой их, чтобы они не начали действовать самостоятельно. Они не хотят, чтобы мы пошли к Грейси, это очевидно, но почему?

– Что ты, дорогая! – Гай был неприятно поражен ее подозрительностью. – Не заговорщики же они. В самом деле, они мне обязаны, и Дубедат, возможно, вспомнил об этом.

– Они хотят, чтобы мы уехали.

– С чего вдруг?

– По ряду причин. Если Грейси наймет тебя, то может не пожелать их оставить. Кроме того, ты слишком много знаешь.

Гай рассмеялся:

– И что же я знаю?

– Ты знаешь, что они сбежали из Румынии.

– У них не выдержали нервы. Это могло произойти с кем угодно. Не думают же они, что мы будем об этом говорить. Они знают, что могут нам доверять.

– Но можем ли мы доверять им? Мне не кажется, что мы должны дожидаться весточки от них. Надо найти, где живет

Грейси, и пойти к нему самим.

– А мы знаем кого-нибудь, кто знаком с ним?

Она покачала головой и вложила свою руку в его.

– Кроме Якимова, у нас нет здесь друзей.

Некоторое время они сидели, взявшись за руки, и размышляли о своем положении. Вдруг Гарриет взглянула в окно кафе и рассмеялась:

– Здесь есть еще один наш знакомый, и более того: он, вероятно, знает Грейси.

– И кто же это?

– Он сидит внутри и поедает пирожные.

Гай повернулся и увидел человека, который сидел за угловым столиком кафе. Воротник его пальто был поднят до ушей, фетровая шляпа была низко надвинута на глаза. Он вздернул плечи, словно защищаясь от сквозняка; на руках у него были перчатки. Он отламывал кусочки слоеного торта серебряной вилкой и клал их себе в рот, проталкивая в щель между шляпой и воротником. Лица его не было видно, за исключением грубого сероватого носа, – однако несомненно, что это был нос именно профессора лорда Пинкроуза, сбежавшего от ужасов Бухареста.

– Пинкроуз, – пробормотал Гай без всякого энтузиазма.

Пинкроуза послали с лекцией в Румынию, когда там наступили тяжелые времена, и он винил в своих бедах Гая – наряду со всеми остальными. От него вряд ли можно было ожидать поддержки.

Вдруг рядом раздался знакомый голос:

– Дорогой мой!

Пинкруз был позабыт. Гай вскочил и раскрыл объятия Якимову, который упал в них.

– Какое чудесное зрелище! – восторженно пропел Якимов. – Чудесное! Наш дорогой мальчик – в безопасности – вместе с нами!

Им нечем было заняться. Воздух с каждым днем становился всё холоднее, и Гарриет не желала сидеть в гостинице в ожидании звонка Дубедата.

– Пойдем осматривать достопримечательности, пока у нас есть такая возможность.

Гай боялся отходить от телефона. Они ненадолго зашли в музей. На следующий день он неохотно согласился сходить к Парфенону. Карабкаясь по ступеням между хибарами, которыми застроена Плака⁶, он ничуть не радовался их своеобразию, цветным ставням, крохотным садикам и невиданным деревьям. Несколько раз он останавливался и, подобно жене Лота, оглядывался на центр города, где его могли ожидать вести. Нравилось ему это или нет, он не принимал участия в войне и считал, что лишь работа может оправдать его гражданский статус. Теперь же у него забрали даже работу.

Гарриет переживала за него.

– Если эти двое не дадут о себе знать до завтра, – сказа-

---

⁶ Плака – старейший район Афин, расположенный у склонов Акрополя.

ла она, – иди в миссию и проси связать тебя с Грейси. Это должно так или иначе решить вопрос.

– Это может решить вопрос самым худшим образом. Если Грейси не пожелает принять меня, мне велят погрузиться на первый же борт до Александрии. Нам придется уехать. А так Дубедат, возможно, сделает что-нибудь для нас. Надо ему верить.

На лице Гая, однако, не было ни малейших следов веры.

Гарриет горячо сочувствовала Гаю, который был принужден взглянуть в лицо реальности и признать, что вера в человеческую доброту – это одно, а зависимость от нее – совсем иное. Когда он в очередной раз остановился, она спросила:

– Ты хочешь вернуться?

Она привела сюда Гая вопреки его воле, и прогулка утратила для нее всякую радость – поскольку он не мог разделить ее.

– Нет, – ответил он. – Ты же хотела увидеть Парфенон. Так давай уже с этим покончим.

Он продолжил подъем. Жара усиливалась. Они молча обошли вокруг основания Акрополя и добрались до входа. Когда они прошли через пропилеи⁷ и увидели Парфенон, Гай остановился как вкопанный и что-то восторженно пробормотал. Гарриет, обладавшая отличным зрением, не раз любовалась храмом во время прогулок по Афинам. Это неизменно было поразительным зрелищем: Парфенон напо-

---

⁷ Пропилеи – парадный вход или проход куда-либо, оформленный колоннами.

минал наполовину вышедшую из-за горизонта луну. Близорукий Гай увидел его впервые.

Он поправил очки и прищурился, пытаясь рассмотреть пейзаж, после чего осторожно зашагал по неровной земле. Гарриет побежала вперед, подгоняемая ощущением, что вокруг творится что-то сверхъестественное. Воображая, что колонны, вздымающиеся к кобальтовому небу, наделены волшебными свойствами, она переходила от одной к другой, прижимая ладони к нагретому солнцем мрамору. Издалека колонны ослепляли своей белизной, вблизи же оказалось, что со стороны моря они окрашены в абрикосовый цвет. Она заморожено шла между ними, трогая их, словно старых друзей. Когда Гай подошел к ней, она указала на дымку над Пиреем⁸ и спросила:

– Видишь море?

Заметив, что он снова сдвинул очки на кончик носа, она растрогалась. Как-то он рассказал, что в детстве не решался заговорить с родителями о своей близорукости, поскольку у них всё равно не было денег, чтобы купить ему очки. В школе он не видел доску, и его считали неспособным учеником, пока какой-то проницательный учитель не выяснил истину.

– Море так близко, что при необходимости мы сможем сбежать, – сказала она. – Всегда найдется какая-то лодка.

Поглядев в сторону моря, Гай сказал:

– Я не умею плавать.

---

⁸ Пирей – греческий город, стоящий на побережье залива Сароникос.

– Не умеешь?

– Я и море-то увидел только в восемнадцать лет.

– Но разве в городе не было бассейнов?

– Были, но они меня пугали: эхо, странные запахи.

– Хлорка. У этого запаха очень неприятный оттенок желтого. Я тоже его не люблю.

Они уселись на верхнюю ступеньку лицом к Пирею и далекой тени Пелопоннеса⁹, и Гарриет с неудовольствием подумала, что Гай, оказывается, не умеет плавать. Нигде в мире не было спасения. Сидя на вершине Акрополя, она представляла, как они терпят крушение в Средиземном море, и гадала, как не дать Гаю утонуть.

Тем временем Гай, проведя в неподвижности четыре минуты, поглядел на часы и сказал:

– Думаю, пора возвращаться. Может, есть новости.

Когда они вернулись в гостиницу, портье вручил Гаю конверт. Внутри была карточка с надписью: «Дёма»¹⁰. Мистер Дубедат и мистер Лаш приглашали мистера и миссис Гай Прингл сегодня вечером к себе в Колонаки¹¹.

Квартира, в которой жили Дубедат и Тоби, располагалась на склоне холма над площадью Колонаки. Экономка впустила Принглов и оставила их на террасе с видом на крыши

---

⁹ Пелопоннес – полуостров в Греции к югу от Афин.

¹⁰ В Англии такие карточки посылали, приглашая кого-то в гости: эта традиция восходит к XIX веку и считается привилегией высших слоев общества.

¹¹ Колонаки – фешенебельный район в центре Афин.

домов и гору Имитос. На мраморной плитке террасы стоял инкрустированный мрамором стол и кованые стулья; аккуратно подстриженные побеги оплетали навес. Глядя на кремово-розовые дома, ярко выделявшиеся на фоне поросшего темными соснами склона, Гарриет подумала, что Тоби и Дубедат неплохо устроились. В атмосфере этого района ощущалось богатство, но без вычурности, – самая дорогая разновидность.

– Похоже, дела у них идут неплохо, – заметила она.

– Замолчи, – сказал Гай.

– Ну могу я хотя бы сказать, что и сама была бы не против так жить?

Тоби Лаш, тихо подойдя к ним, услышал ее слова и рассыпался в благодарностях, но, делая уступку эгалитаристским принципам Гая, всё же добавил:

– Неплохо для рабочего класса, не так ли?

Дубедат явился пятью минутами позже и никакой демократической чуши не изрекал. Он держался с агрессивной самоуверенностью человека, который пережил непростые времена, но добился своего, и как нельзя вовремя. Он сразу же двинулся к Гарриет, словно почитал ее последним бастионом, и предложил ей руку; когда Дубедат заговорил, Гарриет поняла, что он старается избавиться от своего северного акцента.

– Очень рад, – сказал он и улыбнулся, и Гарриет увидела, что зубы его подверглись чистке. Он привел в порядок ногти

и вычесал из волос перхоть. Жесты его были полны неги и драматизма.

Гай приветливо двинулся к нему, но Дубедат просто махнул в сторону стула.

– Присаживайтесь, – сказал он новообретенным светским тоном. Все его взгляды, все улыбки предназначались Гарриет, а Гай словно был ее незначительным сопровождающим. Гарриет прекрасно знала, что Дубедат недолюбливает ее (так же как и она его); видимо, он вообразил, что, очаровав ее, сможет очаровать кого угодно. Ради Гая она отреагировала так, как от нее ожидали.

Экономка вкатила столик, уставленный бутылками и бокалами.

– Что мы будем пить? – спросил Дубедат.

– А что у вас есть? – спросила Гарриет восторженно и скромно.

– О, всё что угодно, – ответил Дубедат.

Здесь и впрямь было всё что угодно.

– Я налью? – спросил Тоби.

– *Нет*, – резко ответил Дубедат. – Иди садись.

Он принялся разливать напитки; стекло позвякивало. Его лицо с огромным носом и крошечным подбородком от напряжения сделалось похожим на крысиную мордочку. Он побагровел и в конце концов уронил пробку от декантера.

– Мне помочь, старина? – услужливо спросил Тоби.

– Не надо, – резко ответил Дубедат, и Тоби отшатнулся,

притворяясь, будто его ударили.

– Каков! – сказал он и посмотрел на Принглов, но никто не засмеялся. И Гай, и Гарриет нервничали; все ощущали, как непрочно атмосфера вечера.

Раздав бокалы, Дубедат торопливо уселся.

– Я виделся с мистером Грейси.

Последовала пауза, во время которой он поставил свой бокал на стол, вытащил платок и вытер кончики пальцы. Убедившись, что эффект достигнут, он продолжал:

– Боюсь, что порадовать мне вас нечем.

Принглы молчали. Дубедат нахмурился, глядя на Тоби, который ходил вокруг собравшихся, словно беспокойная старая пастушья собака.

– Сядь же наконец, Лаш, – сказал он резко. Тоби тут же повиновался.

Словно разобравшись с досадной помехой, Дубедат откашлялся и с важным видом сообщил:

– Я обсудил ваш вопрос с мистером Грейси. Он был бы рад вас видеть, очень рад, но он не в состоянии.

– Так, значит, он серьезно болен?

– Он пострадал в результате несчастного случая. Он уже некоторое время плохо себя чувствует. Ему становится то лучше, то хуже. В данный момент он не может никого видеть. Он просил передать, чтобы вы отправлялись в Каир.

– А если мы подождем несколько дней... – начал Гай.

– Нет, – бесстрастно перебил его Дубедат. – Он не желает,

чтобы вы ждали... не готов брать на себя такую ответственность. Он хочет, чтобы вы сели на ближайшее судно, следующее в Александрию.

– Но где бы я ни был, мне всё равно придется ждать, – благо разумно заметил Гай. – Египет полон сотрудников Организации, бежавших из Европы, и всем им нужна работа. Отделение в Каире не знает, что с ними делать. Они пытаются изобрести какие-то жалкие позиции в дельте Нила или в Верхнем Египте. Работы очень мало, и всё это напрасная трата времени. Если мне всё равно придется ждать, я бы предпочел ждать здесь.

– Я в этом не сомневаюсь. Но мистер Грейси не хочет, чтобы вы ждали здесь. Вы должны уехать. Это приказ, Прингл.

Последовала пауза, после чего Гай заговорил мягко, но решительно:

– Мистеру Грейси придется сказать мне это лично. Я останусь до тех пор, пока не увижу его.

Дубедат, покрасневшись, заговорил как прежде: раздражительно и брюзгливо. Голос его повысился и утратил всякую значительность.

– Вы не можете здесь оставаться. Вас здесь быть не должно, и мистер Грейси не желает вас здесь видеть. Вас ожидают в Египте. С точки зрения Каира вы пропали. Поэтому мистер Грейси не может разрешить вам остаться. И он поступает правильно – да, да, правильно! Вы и сами должны это понимать!

Дубедат закончил свою речь на истеричной ноте – точно так же он когда-то проклинал всех, кому повезло в жизни больше его.

Недавняя велеречивость Дубедата встревожила Гая. Он сдержанно ответил:

– Я собираюсь остаться.

Дубедат раздосадованно хохотнул. Тоби шумно присосался к трубке. Некоторое время все молчали. Затем, взяв себя в руки, Дубедат принялся увещевать Гая:

– Послушайте, здесь нет для вас работы. Из-за войны и всего прочего школа уже не та, что прежде. У мистера Грейси не доставало сил ей заниматься. Учеников стало меньше. Если вкратце, то работы просто нет.

– То есть, как и сказала Гарриет, нужны люди, чтобы навести тут порядок.

– Мистер Грейси здесь главный.

– Именно, – согласился Гай. – И я не собираюсь покидать Афины, пока не увижу его.

Дубедат шумно выдохнул, как бы намекая, что полное отсутствие здравого смысла у Гая идет всем во вред, и заявил с видом человека, выкладывающего последние карты:

– Вашу зарплату платят в Каире.

– Я могу связаться с Лондоном.

– Это территория мистера Грейси. В Лондоне вас перенаправят к нему.

– Я в этом не столь уверен.

Дубедат, потрясенный и разгневанный, ерзал на стуле. Ему и в голову не приходило, что Гай, самый уступчивый из людей, может оказаться таким несговорчивым. Он впервые столкнулся с упрямством Гая. Во взгляде его вспыхнул нехороший огонь. Он сунул руку во внутренний карман и достал письмо.

– Я надеялся, что мы сможем обсудить всё дружелюбно, и не думал, что мне придется прибегнуть к этому. И всё же. Можете взглянуть.

Дочитав письмо, Гай передал его Гарриет. Напечатанный на машинке документ гласил, что мистер Грейси на период своей нетрудоспособности назначает своим официальным представителем мистера Дубедата. Гарриет вернула письмо Гаю, и тот уставился на бумагу. Лицо его ничего не выражало.

– Так что сами видите. – Дубедат ликовал, и тон его был категоричным. – Я уже всё сказал. Мистер Грейси не может вас принять. Он не будет с вами встречаться и не будет нести за вас ответственность. Таким образом, если вы будете благоразумны, то сядете на первый же корабль.

Он забрал у Гая письмо, свернул его трясущимися пальцами и положил обратно в карман.

Гай поднял взгляд и ничего не сказал.

Смягчившись, Дубедат подался к нему и сказал серьезно, почти умоляюще:

– На вашем месте я бы уехал. Правда. Ради вашего же бла-

га.

Гай молчал. Ему удавалось держать лицо, но он побледнел, и Гарриет с трудом переносила его страдания. Каким бы невзыскательным он ни был, он уважал власть – законную и честную. Он верил в людей. Он полагал, что его щедрость вызовет ответную щедрость. Помогая другим, он полагал, что и сам при необходимости получит помощь. Ему было тяжело признать, что Дубедат – бездарный человек, которого он взял на работу из жалости, – гонит его из Афин. И – что самое удивительное – имеет на это полное право.

Сказать было нечего. Пока они беседовали, солнце село. Глядя, как последние лучи освещают макушку далекого холма, Гарриет ощутила царящее вокруг ликование, которое, однако, они не могли разделить, как если бы смотрели на город из окна скорого поезда. Так, значит, в Афинах им не было места! Но где же оно было? Где им найти дом?

Дубедат тоже посмотрел на небо.

– Ничего себе, нам уже пора, – сказал он. – Очень жаль!

В другой раз я пригласил бы вас остаться на ужин.

– Нас пригласили к майору Куксону, – пояснил Тоби. – Своего рода королевский приказ. Он не любит, когда опаздывают.

Принглы не стали спрашивать, кто такой майор Куксон. Это было неважно. Им он не стал бы отдавать королевских приказов. Гай допил пиво, и они ушли, не сказав почти ни слова.

В магазинчиках и кафе на площади Колонаки зажигались огни. В парке было темно. Вдоль тротуаров росли перечные деревья, и их нежная, словно у папоротника, листва клубилась в темноте, подобно дыму. Из магазинов пахло маринованным укропом.

– А ты в самом деле телеграфируешь в Лондон? – спросила Гарриет.

– Да.

Ее встревожила решимость мужа. Их положение было таким ненадежным, что даже улицы стали казаться враждебными. Гарриет подумала, что, возможно, Каир станет для них убежищем.

– Возможно, нам и вправду лучше сесть на ближайший корабль, – сказала она.

– Нет, – ответил Гай. На его лице была написана решимость. – Я не хочу в Египет. Здесь есть работа, и я намереваюсь остаться.

Деньги у них почти закончились. Они уже не могли позволить себе зайти в «Зонар», поэтому прошлись по улице Стадиум и присели в кафе на площади Омония. Попивая дешевое сладкое, сонное, темное вино, Гарриет подумала о Якимове. Как он выживал в те годы, когда нищенствовал в чужих городах? Рядом с ней был Гай, и худшим, что могло с ними случиться, была высылка в Египет, но ей очень хотелось плакать.

3

Гостиницу, в которой они остановились, Гарриет рекомендовали как самую дешевую из центральных. Это было мрачное и неудобное здание, но англичане предпочитали именно его – благодаря местоположению и высшей степени респектабельности. С 1939 года беженцы шли в Афины плотным потоком, и даже до прибытия поляков тут было множество греков из Смирны и русских белоэмигрантов, которые надеялись обрести здесь дом. Свободные номера в гостиницах были редкостью; квартиры и дома встречались и того реже.

Принглов поселили в комнату, предназначенную для одного постояльца, но пообещали дать номер больше, если таковой освободится. Когда Гарриет напомнила об этом портье, тот сказал, что комнаты здесь не освобождаются. Люди жили в гостинице месяцами. Некоторые и вовсе поселились тут. Миссис Бретт, к примеру, жила здесь уже больше года.

Гарриет знала миссис Бретт, сухопарую англичанку, которая при каждой встрече окидывала ее осуждающим взглядом. Как-то раз, через неделю после приезда Гая, миссис Бретт остановила ее и спросила:

– Так, значит, ваш муж всё-таки приехал?

Гарриет попыталась обойти ее, но миссис Бретт продолжала:

– Вы что же, не помните меня?

Гарриет прекрасно ее помнила. Когда она только приехала в Афины и страшилась вестей из Румынии, она как-то заговорила со своей соотечественницей и призналась, что ее муж остался в Бухаресте.

– Его отправят в лагерь для военнопленных, – ответила ей миссис Бретт. – После войны он к вам вернется. Мой муж умер.

Возможно, она хотела успокоить Гарриет, но ее слова послужили слабым утешением. Теперь Гарриет старалась по возможности избегать ее.

– Мне бы хотелось познакомиться с вашим мужем, – сказала миссис Бретт. – Приводите его ко мне на чай в субботу. Я живу в этой гостинице на первом этаже, третья комната. Приходите к четверем.

Не дожидаясь согласия или отказа, она ушла.

Гарриет поспешила рассказать об этом Гаю:

– Эта жуткая тетка пригласила нас на чай.

– Как мило с ее стороны! – ответил Гай, для которого любое общение было лучше, чем его отсутствие.

– Но это та женщина, которая заявила, что тебя отправят в лагерь для военнопленных.

– Уверен, она не имела в виду ничего дурного, – убежденно сказал Гай.

Принглы жили на последнем этаже. Их крохотная ком-

натка выходила окном на кирпичную стену; в ней помещались две узкие кровати вдоль одной стены, платяной шкаф и туалетный столик. Комната миссис Бретт выходила на улицу и являлась одновременно и спальней, и гостиной: кресло и обеденный стол теснились рядом с широкой кроватью. Миссис Бретт повесила на стены два натюрморта: на одном были изображены анемоны, на другом – ландыши. К приходу гостей она выставила на стол фарфоровый сервиз и шоколадный торт.

Радуюсь тому, что хоть кто-то проявил к ним дружелюбие, Гай держался так мило и любезно, что миссис Бретт, в свою очередь, пришла в восторг и принялась хлопотать вокруг них, приговаривая:

– Садитесь же, садитесь!

В комнате был еще один гость: грузный и коренастый мужчина среднего возраста.

– Надо же, вы оба такие крупные! – пожаловалась миссис Бретт. – Что же мне с вами делать! Да и к тому же, – она повернулась к первому гостю, – Элисон Джей обещала заглянуть.

– Вот это новости, – пробормотал тот.

– Мы справимся. Справлялись же раньше. Миссис Прингл может сесть на тот стульчик – она такая худенькая, – а мисс Джей я отдам кресло. Так, вы двое! Садитесь сюда.

Она усадила мужчин на кровать.

– Сидите здесь, – велела она. – Помощь мне не нужна.

Гостиничный официант внес чайник, и, пока миссис Бретт разливала чай и по несколько раз спрашивала собравшихся, нужно ли им молоко или сахар, сосед Гая обратился к нему:

– Меня зовут Алан Фрюэн.

– Разве я вас не представила? – воскликнула миссис Бретт, раздавая чашки гостям. – Вечно я забываю всех представить.

Крупная голова Алана Фрюэна покоилась на массивных плечах; его лицо казалось изваянным из бурого камня – не высеченным, а, скорее, выточенным водными потоками. На фоне смуглой кожи его светлые глаза казались еще светлее и были необычайно выразительны. Сидя на краю кровати и помешивая чай, он выглядел как человек, который терпеливо переносит какое-то тайное страдание. Представившись, он снова умолк и сконфуженно уставился на миссис Бретт, мучаясь оттого, что она стоит, пока он вынужден сидеть.

– Так, значит, вы только что прибыли из Румынии? – спросила миссис Бретт Гая. – Скажите нам, есть ли там немцы?

Пока Гай отвечал ей, Алан Фрюэн разглядывал его. Широкое лицо его смягчилось, словно сам вид Гая несколько уменьшил его муки. Он наклонился вперед, желая что-то сказать, но миссис Бретт не позволила ему вставить ни слова.

– Так, значит, вы служите в Организации? – продолжала она. – Да, князь Якимов говорил об этом. Я и сама могла бы вам кое-что рассказать об этом заведении. Вы же знали

моего мужа? Знаете, что с ним здесь сделали?

Гай ответил отрицательно; Алан Фрюэн издал тихий стон, очевидно предвидя очередное изложение истории, которую он уже слышал.

Не обращая на него внимания, миссис Бретт уставилась на Гая:

– Полагаю, вы знаете, что мой супруг был директором местной школы?

– В самом деле? Я не знал.

– Вот как! – воскликнула миссис Бретт, готовясь изложить эту трагическую историю в полном объеме. Чтобы подразнить аудиторию, она принялась неторопливо расставлять чашки, после чего наконец села. – Мой муж был директором, но его сместили с этой должности. Очень некрасиво сместили. Возможно, вы уже об этом слышали?

– Мы почти никого здесь не знаем, – сказал Гай.

– Это был большой скандал, и об этом много говорили. Слухи разошлись далеко за пределами Афин. Мой муж был ученым, очень образованным человеком. – Она осуждающе уставилась на Гая. – Вы же слышали о нем? Он написал историю Венецианской республики.

– Да, разумеется, – мягко сказал Гай.

Она продолжала:

– Полагаю, вы знакомы с неким Грейси?

– Я...

– Именно Грейси его и выставил. Грейси и этот мерзкий

Куксон.

– Мы слышали о Куксоне, – вмешалась Гарриет. – Он, кажется, здесь важный человек.

– Богатый, а не важный. По крайней мере, не из тех, кого я считаю важными людьми. Называет себя майором. Возможно, он и служил когда-то, но сомневаюсь. У него роскошный дом в Фалироне¹². Он из тех людей, кому не надо работать, но которые при этом всюду суют свой нос. Ему нужна власть, он хочет влиять на людей.

– И он дружит с Грейси?

– Да, Грейси из его компании. Когда мы только приехали сюда, Куксон пригласил нас в Фалирон, но Перси отказался. Он занимался работой и вдобавок еще управлял школой. У него не было времени на пирушки, знаете ли.

– И когда это было?

– В самом начале войны. Мы знали прежнего директора – он был достойный человек. Ученый. Он ушел на пенсию, когда началась война, и предложил свою должность Перси. Я сказала Перси, что надо соглашаться. Это была военная работа. Он уже был немолод, конечно, но надо же было внести свою лепту. Думаю, я была права.

Миссис Бретт умолкла. Алан помешал чай, явно собираясь что-то сказать, но миссис Бретт снова опередила его:

– В общем, Перси начал работу, и всё шло гладко, пока не

---

¹² Фалирон – пригородный район Афин, расположенный на берегу одноименной бухты в заливе Сароникос Эгейского моря.

приехал этот Грейси.

– А откуда он приехал?

– Из Италии. Он жил рядом с Неаполем, был учителем у какого-то богатого маленького итальянца, писал понемногу и всё в таком духе. Чудно проводил время, видимо, но понимал, что долго так продолжаться не может. Он стал нервничать и, к несчастью, решил приехать сюда. Здесь ему понадобилась работа, и Перси принял его на должность старшего преподавателя. Глупец! Перси, я имею в виду.

Она покачала головой и цокнула языком.

– Он же не знал, – заметил Алан.

Миссис Бретт согласилась с ним – так, словно эта мысль раньше не приходила ей в голову:

– Это правда, он не знал.

– А Грейси был недостаточно квалифицирован?

– Напротив, чрезмерно. В этом-то вся беда. Ему не хотелось работать под руководством Перси. Он не желал играть вторую скрипку – он хотел быть директором. Он отправился к Куксону, стал умасливать его и говорить: мол, сами видите, Перси Бретт не в состоянии управлять школой. А Куксон, скажу я вам, больше всего на свете любит интриги. Эти двое разработали план и стали говорить всем, что Перси слишком стар и не подходит для этой работы. И Грейси подговорил Куксона написать в Лондон...

– Вы уверены, что так и было? – мягко запротестовал Алан.

– Естественно. – Миссис Бретт смерила его гневным взглядом. – У меня есть свои осведомители. После этого Лондон отправил сюда инспектора, чтобы проверить состояние дел в школе. Только подумайте! Какой-то инспектор совал свой нос в дела Перси... И что бы вы думали, случилось дальше?

Этот трагический вопрос прозвучал визгливо. Гарриет встретила взглядом с Аланом и по его сочувственному виду поняла, что за агрессией миссис Бретт крылось несчастье. Алан мрачно опустил голову.

Поначалу Гарриет рассчитывала узнать что-нибудь полезное о Грейси, но сейчас ей стало казаться, что они слушают какие-то безумные фантазии. Однако Гай, очевидно, так не считал. Лицо его порозовело от сочувствия, и он напряженно ожидал продолжения.

– Перси заболел, – сказала миссис Бретт. – Он заболел именно тогда, когда приехал инспектор. Вообразите, как-то было мне: повсюду шныряет инспектор, Грейси и Куксон твердят ему что им вздумается, а мой бедный Перси слишком болен, чтобы защитить себя. «Девочка моя, – сказал он мне: он всегда меня так называл, – я и не думал, мол, что они так со мной поступят». Он работал как троянец! Я звала его вечным двигателем. Он преобразил школу. Грейси просто подхватил работающий механизм и испортил его. А бедный Перси! Он болел много недель – девять, десять недель... у него был тиф.

Чувства переполняли миссис Бретт, и ее голос начал слабеть.

– И они от него избавились. Да, избавились! Послали отчет, затем пришла телеграмма: Грейси должен был занять его пост, а Перси посылали в Бейрут на временную должность. Но он так и не узнал этого. Он умер. Умер!

Она посмотрела на Гая и хрипло добавила:

– Я виню в этом себя.

Она сжала широко ладонь в кулак и прижала костяшки к губам, не отрывая взгляда от Гая, словно только он понимал, о чем речь. Несколько мгновений спустя она уронила руки на колени.

– Он же не хотел сюда ехать. Я его заставила. Я всё устроила... да, я. Написала сюда, предложила кандидатуру Перси. Поэтому ему и предложили эту должность. Понимаете, прежде мы жили в Которе¹³. Я так устала от этого города. Узкие улочки, этот жуткий залив. Я чувствовала себя взаперти. Мне хотелось в большой город. Да, я это устроила. Я во всём виновата. Я привезла его сюда, и он заболел тифом.

Гай положил свою руку на ее и сказал:

– Он мог заболеть тифом где угодно – даже в Англии. И уж точно в любом месте Средиземноморья. Вы читали «Смерть в Венеции»?

Миссис Бретт смотрела на него без всякого выражения,

---

¹³ Котор – город на берегу Адриатического моря на территории современной Черногории.

явно озадаченная вопросом, и, чтобы отвлечь ее, он начал пересказывать ей сюжет повести Манна. Приближаясь к кульминации, он сделал драматическую паузу, и миссис Бретт, не то полагая, что он закончил, не то считая, что ему пора бы закончить, заговорила снова:

– Когда Грейси занял пост директора, Перси был еще жив. Они даже не стали дожидаться его смерти.

– Из-за этого два преподавателя попросили о переводе? – спросила Гарриет.

– Вы уже об этом слышали? – Миссис Бретт подпрыгнула от неожиданности и обернулась к Гарриет. – Интересно, кто вам сказал?

– Дубедат и Лаш упоминали об этом.

– Эти! – с отвращением произнесла миссис Бретт. – Та еще парочка!

– В самом деле, та еще парочка, – ответила Гарриет и хотела что-то добавить, но ее прервал громкий стук в дверь.

– А вот и она! А вот и она! – воскликнула миссис Бретт и вскочила резво, словно ребенок. Она так энергично распахнула дверь, что та ударилась о кровать. – Входите же!

В комнату вошла огромная женщина, казавшаяся еще крупнее благодаря белым шелковым одеяниям и накидке, которая от сквозняка раздулась, словно парус. На ней были турецкие шаровары и жилет, обшитый бахромой длиной в ярд. Под одеждой колыхались огромные груди. Она стояла посреди комнаты, и ее жир покачивался вокруг нее.

– Ну что же, – требовательным тоном спросила она, – куда мне сесть, Бретти?

– В кресло, в кресло.

Ликуя от появления гостыи, миссис Бретт пояснила Принглам:

– Мисс Джей правит английской колонией.

– В самом деле? – самодовольно спросила мисс Джей, погрузилась в кресло и опустила взгляд на свои большие туфли из рафии.

Представив собравшихся, миссис Бретт добавила:

– Я как раз рассказывала им, как Грейси обошелся с Перси.

– Вот как, – произнесла мисс Джей. – Я думала, ты успеешь рассказать им об этом до моего прихода.

– Я еще не закончила. – Миссис Бретт повернулась к Гаю. – И знаете, как они поступили *после* того, как Перси умер?

Пытаясь отвлечь ее, Алан сказал:

– Можно мне еще этого восхитительного чаю?

– Когда принесут воды, – ответила миссис Бретт и решительно продолжала: – После того как Перси умер, я решила устроить небольшой прием... небольшой памятный вечер.

Вошел официант с горячей водой. Миссис Бретт забрала у него чайник, захлопнула за ним дверь и твердо повторила:

– Небольшой памятный вечер.

– Может быть, нальете мне чашечку, прежде чем продол-

жить? – спросила мисс Джей.

Миссис Бретт раздраженно налила всем чаю, после чего снова повернулась к Гаю.

– Вы же понимаете, почему я вам всё это рассказываю? Я считаю, вы должны представлять, что за люди отравляют это дивное место. Это не только Куксон и Грейси – есть еще и Арчи Каллард.

– Арчи может быть очень утомителен, – вставил Алан. – У него превратное чувство юмора.

– Вы считаете, что их поступок был шуткой?

– Не знаю, – сконфузился Алан. – Возможно, в некотором роде макабрической...

– Макабрической? Да, это верное слово. Как вы думаете, что они сделали? – Миссис Бретт снова обернулась к Гаю. – Когда Куксон прослышал, что я устраиваю небольшой прием в гостинице «Король Георг», он решил устроить собственный прием. В тот же вечер. Очень роскошный. Как вам это нравится? Разумеется, все они были в этом замешаны: майор, Каллард, Грейси...

Мисс Джей вмешалась:

– Я сомневаюсь, что Грейси...

– А я в этом уверена. Три умника устроили заговор против одинокой пожилой дамы! На прием к Куксону пригласили всех – кроме меня, конечно. Куксон никогда больше не устраивал таких пышных вечеров.

– И ваш прием был испорчен? – спросил Гай.

– А его и не было. Никто не пришел. Некоторые из ближайших моих друзей бросили меня, чтобы пойти к Куксону. С тех пор я с ними не разговариваю.

– Это было и в самом деле очень нелюбезно, – пробормотал Алан.

– Вас там не было, вы тогда уехали в Дельфы, – сказала миссис Бретт и кивнула мисс Джей: – А вы были на Корфу.

Она улыбнулась им: ведь они в тот вечер отсутствовали в Афинах и не приняли участия во всеобщем предательстве. Вдруг вспомнив про Гарриет, миссис Бретт повернулась к ней:

– А вы что думаете обо всём этом? Что думаете о местных?

Взглянув на мисс Джей, Гарриет обнаружила, что та смотрит на нее критически, и поняла, что ее слова будут пересказывать – и, возможно, неодобрительно.

– Я с ними незнакома, – сказала она. – До приезда сюда мы жили совсем иначе. Наши приключения не оставляли нам достаточно времени для светской жизни.

– Вам повезло, – сказала миссис Бретт. – Я бы предпочла приключения. Мы все вам завидуем.

На ее морщинистом лице мелькнули проблески доброты, но тут мисс Джей ядовито заметила:

– Приключения! Упаси нас Господь от приключений!

– Принглы только что прибыли из Бухареста, – сказала миссис Бретт. – Они видели, как в город вошли немцы.

– В самом деле! – Мисс Джей смерила их таким взглядом, словно опасалась, что они захватили немцев с собой. – Нам здесь подобного не надо.

Алан, с интересом глядя на Гая, поинтересовался, сколько он планирует здесь пробыть.

– Сколько удастся, – ответил Гай. – Но всё зависит от Грейси. Я приехал сюда в надежде, что он возьмет меня на работу.

– А он не желает? – спросил Алан.

– Похоже на то. Беда в том, что мне не удастся с ним встретиться. Говорят, что он серьезно болен и никого не принимает.

– Кто вам это сказал? – вмешалась миссис Бретт.

– Тоби Лаш и Дубедат.

– Как странно! – Алан поглядел на миссис Бретт, затем на мисс Джей; лицо его исказилось, словно у мальчика, который пытается улыбаться во время порки. – Я и не знал, что у Грейси проблемы со здоровьем, а вы?

– Очень в его духе! – сказала миссис Бретт. – Он просто не желает утруждать себя. Оставил всё этим двум невежам. Просто позор, как опустилась школа.

Не переставая улыбаться своей странной улыбкой, Алан сказал:

– Я неплохо знаю Колина Грейси. Мы вместе учились в Королевском колледже. Я мог бы замолвить словечко...

– Я бы не стала вмешиваться, – заявила мисс Джей так ре-

шительно, что Алан увял. Улыбка его погасла, и он выглядел таким убитым, что Гай, надежды которого успели воспрять, а затем рухнуть, ощутил необходимость утешить его.

– Наверное, надо предоставить решить вопрос Дубедату, – сказал он. – В конце концов, он официально замещает Грейси.

Миссис Бретт запротестовала, но мисс Джей не желала возвращаться к этому разговору. Ухватив подругу за руку, она сказала:

– Я слышала об одной квартире, которая может вам подойти.

– Да вы что! – восторженно воскликнула миссис Бретт. Проблемы Гая тут же оказались позабыты.

– На Ликавитосе¹⁴. Сейчас там живут две американки. Они уезжают на ближайшем судне. Обстановку всю оставят. Им нужен кто-то надежный, кто приглядит за их вещами. Много денег они не просят.

– Это меня полностью устраивает.

Пока дамы говорили о квартире, Алан взглянул на часы, а Гарриет посмотрела на Гая и приподняла брови. Все трое встали. Мисс Джей была рада, что они уходят, а миссис Бретт едва ли обратила внимание на их исчезновение.

Остановившись на лестничной клетке, Алан посмотрел на Принглов так, словно хотел что-то сказать, но промолчал. Гай решил узнать, не оставляли ли для него сообщений. Они

---

¹⁴ Ликавитос – холм в центре Афин.

вместе спустились по лестнице, и их бурно приветствовал черный ретривер, привязанный к перилам.

Алан всё же решился нарушить молчание:

– Это Диоклетиан.

Он отвязал поводок, после чего надел темные очки, готовясь к выходу в сумерки, и застыл на месте. Лицо его было наполовину закрыто темными стеклами, и он по-прежнему никак не мог произнести того, что хотел.

«Какой загадочный человек», – подумала Гарриет, наблюдая за ним.

Сообщений для Гая не обнаружилось, и Принглы стали прощаться. Наконец Алан заговорил:

– Вы знаете, где находится Академия? Раньше это была Американская академия по изучению античности, но с началом войны все американцы уехали домой. Теперь это просто пансион для одиноких постояльцев вроде меня. Может быть, вы бы как-нибудь заглянули туда на чашку чаю?

– С удовольствием, – сказал Гай.

– Как насчет четверга? Это рабочий день, но я не очень занят. Мне не надо будет возвращаться в контору до шести вечера.

– А чем вы занимаетесь? – спросила Гарриет.

– Офицер в информационном бюро.

– Начальник Якимова?

– Именно так.

Алан криво улыбнулся и, поскольку с приглашениями бы-

ло покончено, позволил собаке утянуть себя прочь.

Обычно Гарриет просыпалась от звона трамваев, но в четверг ее разбудил похоронный плач, который то взмывал ввысь, то снова падал. Проснулся даже Гай и, приподняв голову, спросил:

– Господи, что это?

Гарриет уже вспомнила, что это за звуки. Ей доводилось слышать их в кинохронике. Это была сирена противовоздушной обороны.

Она набросила халат и подошла к окну. Магазины уже начали открываться, и лавочники высыпали на улицу. Мужчины и женщины, шедшие на работу, остановились. Все разговаривали и тревожно жестикулировали. По лестницам гостиницы сновали люди. Гарриет хотела узнать, что происходит, но не успела ничего спросить. Сирена, всхлипнув, оборвалась, и с площади побежали полицейские. Они кричали и размахивали револьверами, словно ожидали немедленного бунта. Мгновение спустя ни в чем не повинных прохожих загнали в дома и магазины. Автомобили останавливали и их водителей и пассажиров также отправляли в окрестные здания. Затем полицейские с шумом удалились, оставив позади себя абсолютно пустую улицу.

Утро было ясным и свежим. Гарриет подняла раму и высунулась наружу, но увидела только лица за окнами, пустые

тротуары и брошенные автомобили.

Гай, торопливо натягивая штаны и свитер, крикнул:

– Там что-нибудь происходит?

– Полицейские очистили улицу.

– Видимо, начался налет.

– Давай спустимся и узнаем, – сказала Гарриет спокойно, словно старый служака. Она уже давно привыкла к беспорядкам и теперь одевалась с ощущением, что жизнь возвращается на привычные рельсы. Пока они спускались по лестнице, Гарриет в деталях представляла, что их ждет. Она могла бы описать эту сцену, не видя ее, поскольку уже была свидетельницей подобных событий в вестибюле бухарестской гостиницы.

На этот раз они застали знакомое лицо. Раскрасневшаяся миссис Бретт в халате разговаривала с собравшимися, и ее седой хвостик подпрыгивал, когда она мотала головой.

Портье говорил по телефону, перемежая греческую речь английскими словами. Свободной рукой он стучал по конторке, подчеркивая значимость сказанного. Остальные постояльцы – англичане, поляки, русские и французы – взволнованно переговаривались. Вдруг снаружи прозвучал отбой тревоги.

Увидев Принглов, миссис Бретт воскликнула:

– Тут началась война!

Услышав это, портье уронил трубку и раскинул руки, словно желая обнять всех присутствующих.

– Мы ваши союзники! – провозгласил он. – Мы будем сражаться вместе!

– Как прекрасно! – ответила миссис Бретт.

Собравшихся охватил восторг. Казалось, все втайне мечтали участвовать в войне и теперь радовались ее пришествию. Принглов, как англичан, поздравляли даже те, кто раньше на них и не глядел. Они несколько раз выслушали рассказ о том, как греческого премьер-министра в три часа ночи разбудил министр Италии и объявил об ультиматуме. Метаксас¹⁵ спросил, не может ли это подождать до утра, но, узнав, что от Греции требуют принять итальянскую оккупацию, тут же наотрез отказался.

– «Охи», – сказал он, – сообщил портье. – Он сказал: «Охи».

Миссис Бретт объяснила, что Муссолини хотелось добиться личного триумфа. Он выбрал для этого маленькую страну, полагая, что маленькая – значит слабая, и ожидая, что греки подчинятся первому же его требованию. Но Метаксас отказался, а значит, посреди ночи, пока афиняне спали, Греция вступила в войну.

– Что ж! – вздохнула миссис Бретт, утомленная всеми этими радостями и переживаниями, и осуждающе взглянула на Принглов. – Видите, не у вас одних бывают приключения! Здесь тоже кое-что происходит.

Она стала подниматься по лестнице, но на полпути раз-

---

¹⁵ Иоаннис Метаксас – премьер-министр Греции с 1936 по 1941 год.

вернулась и окликнула Гая:

– Есть новости от Грейси?

– Боюсь, что нет.

– Не ходите к нему. Будьте как Метаксас. Держитесь твердо. Скажите, что он обязан дать вам работу. Если бы я с ним разговаривала, то сама бы ему так сказала.

Гай сообщил, что днем они собираются выпить чаю с Аланом Фрюэном. Миссис Бретт заметила, что ее тоже приглашали, но мисс Джей ведет ее посмотреть обещанную квартиру.

– А вы непременно идите, – добавила она. – Алан представит вас Грейси.

– Я так не думаю. Он даже не упоминал Грейси.

– Обязательно представит, Грейси будет там же. Он живет в Академии. Алан что-нибудь придумает, вот увидите! Куксон убежден, что он всем заправляет, но у меня в комнатке творится масса такого, о чем он и понятия не имеет. – Она визгливо хохотнула. – Я здесь тоже кое-что могу!

Деньги у Принглов почти закончились. Пока их еще хватило бы, чтобы расплатиться в гостинице и купить самые дешевые места на пароходе, отправляющемся в субботу. Заразившись всеобщим воодушевлением, они не в силах были сидеть в гостинице и решили выпить кофе на свежем воздухе. На улицах толпились люди, поздравлявшие друг друга, словно это был первый день праздника, а не войны. Вокруг царил атмосфера веселья – пока Принглы не встретили Якимова, который с мрачным видом катил свой велоси-

пед в гору.

Ранее он преодолевал все кризисы с беззаботностью неосведомленного. Теперь же он служил в информационном бюро и знал всё.

– Греки не протянут и десяти дней, – сказал он.

– Всё так плохо? – спросил Гай.

– Ещё хуже. Армии здесь нет. Воздушных сил тоже. Лишь один корабль, заслуживающий упоминания. А итальяшки обещают всё здесь разбомбить. Что будет с нами? В лагерях для военнопленных людей морят голодом.

– Полагаю, нас эвакуируют? – спросила Гарриет.

– Не знаю. Не могу сказать. Это еще неизвестно.

Добравшись до Университетской улицы, он разбежался, запрыгнул на велосипед, каким-то чудом приземлившись на седло, и, пошатываясь, с горделивым видом уехал прочь.

Зная Якимова, Принглы не особо поверили ему. Они купили английскую газету, в которой с большим воодушевлением сообщалось о новом фронте и особо отмечался тот факт, что британцы обещали грекам свою помощь.

– Что бы ни произошло, я хочу здесь остаться, – сказала Гарриет. – А ты?

Она не сомневалась в ответе Гая и была неприятно удивлена, услышав:

– Мне бы очень хотелось, но...

– Но что?

– Я не могу работать на такого человека, как Грейси.

Гарриет поняла, что проблема была в миссис Бретт. Когда после чаепития она спросила Гая, что он думает о рассказе миссис Бретт, он отказался это обсуждать. Его раздражали противоречия: он хотел остаться в Афинах, но понимал, что это будет возможно только с согласия Грейси. Ему пришлось обдумать услышанное от миссис Бретт.

– Так ты поверил ей? – спросила Гарриет.

– Не верю, что она всё это выдумала.

– Возможно, доля правды в этом есть, но миссис Бретт мне показалась довольно эксцентричной. Уверена, что если бы мы узнали все подробности, то по-новому бы взглянули на эту историю.

– Не уверен. Возможно, она преувеличила, но остальные не защищали Грейси. Он, кажется, и в самом деле недостойный тип.

При одной мысли о Грейси Гай разгневался и начал говорить с вызовом. Гарриет понимала, что в таком настроении он не сделает ни малейшей попытки завоевать расположение Грейси. Сила убеждения Гая работала только с теми, кого он уважал. Он был не способен на лицемерие, мораль его была непоколебима. Если он презирал Грейси или сомневался в собственной правоте, дело можно было считать проигранным.

Гарриет начала опасаться, что через два дня им придется сесть на египетский пароход.

К полудню ликование по случаю начала войны утихло. К тому времени, когда Принглы отправились на поиски Академии, стало известно о нападении на заводы в Элефсисе и прошли слухи о бомбардировке Патр. Афины, пока что нетронутые, погрузились в полуденную дремоту.

Следуя указаниям портье, Принглы вышли на улицу, ведущую в Кифисью¹⁶. Они были одни на длинной, широкой, залитой солнцем мостовой, когда мимо них проехала колонна грузовиков, везущих рекрутов на вокзал. Пока Принглы махали им и кричали: «Удачи!» – молодые люди, узнав в них англичан, стали восклицать: «*Зито* британский флот! *Зито Эллада!*»¹⁷ Один из юношей склонился через борт грузовика, поймал руку Гарриет и сказал по-английски:

– Мы друзья!

От взгляда его темных блестящих глаз ее охватил воинственный восторг, и она обняла Гая, восклицая:

– Как чудесно!

Гай поторопил ее:

– Не глупи. Все они могут погибнуть в ближайшие же дни.

– Я не хочу в Египет, – сказала Гарриет, но Гай не желал говорить об этом.

Впереди показалась Академия – большое здание в итальянском духе, выкрашенное охряной и белой краской.

---

¹⁶ Кифисья – северный пригород Афин.

¹⁷ Ζητώ – живи (*греч.*). Здесь: «Да здравствует британский флот! Да здравствует Греция!»

Местность вокруг за лето выгорела до темно-бурого цвета.

Алан ожидал их в общем зале. Он поспешил им на встречу, сопровождаемый собакой. Воодушевленный событиями дня, он держался оживленнее обычного.

– Хорошо, что вы пришли так рано. Меня могут вызвать обратно, хотя этого может и не случиться. В настоящий момент информационное бюро мало что из себя представляет. Но если греки дадут отпор, нам придется засучить рукава.

– А греки способны на сопротивление? – спросил Гай. – Есть ли у них для этого ресурсы?

– Не особо, но у них есть отвага, которая помогла им пережить времена и похуже этих.

Пока Алан говорил, Гарриет огляделась. Ее будоражила мысль, что Грейси где-то рядом, и ей хотелось увидеть других обитателей этого места. Они сидели на полинялых креслах и диване, и между ними ощущалась некая отчужденная близость: это были люди, которые жили рядом, но по отдельности. Сама комната выгорела от палящего солнца, как и окружающий здание сад. Даже корешки книг на сосновых полках приобрели одинаковый цвет, а бюсты, глядевшие со стеллажей, были покрыты пылью и выглядели так же мрачно, как и прочая обстановка. Она шагнула к полкам, но Алан остановил ее:

– Здесь всё заперто. Студенты оставили свои пожитки, но нам не полагается их трогать.

Он вывел их на залитую солнцем террасу, где стояли вы-

цветшие скамьи и шезлонги. Ступеньки спускались в сад, в котором на клумбах торчали одни лишь сухие стебли. Побуревшая лужайка представляла собой целый акр потрескавшейся глины, усеянной розоватой травой. За соснами, оливами и цитрусовыми деревьями виднелись теннисные корты. Ветер доносил своеобразный клейкий аромат – смесь смолистого духа сосен и запаха сухих листьев.

– Так пахнет Греция, – сказала Гарриет.

Алан медленно кивнул:

– Да, полагаю, именно так.

– Мы можем выпить чаю здесь?

– Боюсь, это не позволено. Мисс Данн, которая всем здесь заправляет, говорит, что это излишне утруждает девочек. Сами девочки не против, но мисс Данн запретила.

Прозвучал колокол, и они вернулись в здание и сели у французского окна. Алан принес чай и тарелку с кексами и сказал:

– Хорошо, что вы поможете мне всё это съесть. Услышав, что последний пароход ушел, я испугался, что вы уплыли на нем.

– Последний? Вы имеете в виду тот, что должен был уйти в субботу?

– Да. Других не будет. Египтяне не будут рисковать своими кораблями, и трудно их в этом винить. Пароход ушел сегодня утром, и портовые служащие закрыли свои конторы и погрузились на борт. Говорят, что несколько ранних пта-

шек успели к ним присоединиться, хотя и не знаю, кто их предупредил.

– Но ведь должны быть греческие пароходы? – спросил Гай.

– Нет. Во всяком случае, не для гражданских лиц. Греция перешла на военный режим.

– Воздушного сообщения тоже нет?

– Воздушного сообщения с Египтом здесь никогда и не было.

Глянув на Гая, Гарриет со смехом заметила:

– Свобода – это осознанная необходимость¹⁸.

– А как же Салоники? – продолжал настаивать Гай. – Должен же оттуда идти поезд до Стамбула?

– Это зона военных действий – или же будет ею в скором времени. Как бы то ни было, уже существует приказ: иностранцам запрещено покидать Афины. Вам откажут во въезде в Салоники.

– Вы уверены?

– В такое время всё возможно. Греческие чиновники очень подозрительны.

– То есть мы не можем уехать? Никто не может?

– Возможно, еще будет эвакуационный пароход. Британская миссия полагает, что следует отослать англичанок с

---

¹⁸ Это утверждение Гегеля цитирует Фридрих Энгельс в своем труде «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом» (1878), более известном как «Анти-Дюринг».

детьми. Не знаю. Еще ничего не решено. Если миссис Прингл желает уехать, я, возможно, смогу организовать ей место.

– Я хочу остаться здесь, если это возможно, – сказала Гарриет.

– Вот это правильно! И вообще, к чему эти разговоры о поездах в Стамбул? Мне казалось, что вы оба хотите остаться.

– Это всё рассказы миссис Бретт. Теперь Гай уже не хочет работать на Грейси.

– Вот как!

Алан почесал спину собаки носком туфли и улыбнулся так, словно у него что-то болело. Собака с удовольствием потянулась. Подумав несколько мгновений, Алан сказал:

– Миссис Бретт одержимая. Вечно рассказывает какие-то истории о Куксоне и его компании. Я считаю, что с Бреттом обошлись дурно, но он был старым ретроградом, совершенно неспособным к управлению школой. Всю работу выполняли два лектора, которым он нравился. Они уехали, когда директором стал Грейси, как вы уже знаете.

– А что насчет той истории с приемом?

– Это было некрасиво, но она сама спровоцировала их. Она вела себя с Куксоном непростительно грубо. Практически обвинила его в убийстве мужа. Она немного истерична. Вы и сами видели.

– А если бы вы были тогда в городе, то пошли бы на прием к Куксону?

Услышав этот вопрос, Алан слегка приподнял брови, но затем вновь улыбнулся:

– Знаете, возможно. Это был бы непростой выбор. Куксон всегда устраивает очень пышные приемы.

– Уверен, что вы не пошли бы, – убежденно сказал Гай. – Ни один достойный человек не поступил бы так с одинокой пожилой женщиной.

Улыбка Алана исчезла. Он смотрел на Гая с непроницаемым выражением лица, но прежде, чем он решился ответить, во французское окно вошла дама средних лет в шортах и с теннисной ракеткой в руках. Это была бесформенная женщина в очках, с лохматой ярко-рыжей шевелюрой, раскрасневшаяся, потная и одышливая. Она кивнула кому-то из присутствовавших, после чего, увидев незнакомцев, закатила глаза от смущения и поспешно удалилась.

– Кто это? – шепотом спросила Гарриет.

– Это мисс Данн, наша неистовая спортсменка.

– Она тоже состоит в миссии? Чем она занимается?

– Чем-то очень секретным. Поговаривают, что ее водят на рабочее место с завязанными глазами. Но я не знаю и не решаюсь спрашивать. Она здесь не просто так: ее прислало Министерство иностранных дел. Большинство из нас тут временно, поэтому она рангом выше нас.

– Пинкруз, – пробормотала Гарриет.

Гай поднял взгляд. Они увидели Пинкруза, который вошел в зал, держа в руках коробку пирожных. Усевшись за

стол, он аккуратно поставил коробку перед собой и открыл ее. Когда ему принесли чай, он вытащил три роскошных пирожных, положил их на тарелку и принялся изучать. Выбрав одно, он переложил его на блюдце, но затем вернул к остальным и вновь погрузился в раздумья.

– Вы с ним знакомы? – спросила Гарриет у Алана.

– Знаком. Он в некотором роде мой коллега.

– Вы хотите сказать, что он уже нашел здесь работу?

– Да, хотя работой это не назовешь. Каким-то образом он пробрался в информационное бюро. Я выделил ему стол в отделе новостей, и он занимается какой-то ерундой. Это даст ему право жить здесь. Он сообщил миссии, что не может позволить себе гостиницу.

– Вы шутите?

– Ничуть. Он мог вернуться в Англию. Был пароход, который шел из Александрии через Кейптаун, но он не пожелал рисковать. Сказал, что у него нежный организм и в хорошем климате он будет меньшей обузой обществу.

– Возможно, он уже пожалел об этом.

– Даже если и так, его аппетиту это не повредило.

После чая они вышли с собакой в сад. Шагая под лимонными деревьями, которые отбрасывали тень на дорожку, Алан робко сказал:

– В разговоре с Грейси я упомянул, что вы будете здесь сегодня. Он предложил вам заглянуть к нему около шести. Разумеется, если вы не хотите идти, я ему передам.

Гай покраснел и после паузы сказал:

– Вы очень добры.

– Ну что вы. Я просто упомянул о вас, уверяю. Это была его идея.

– Я пойду, конечно. Я очень благодарен.

– Я отведу вас к нему в комнату, но сам остаться не смогу.

Мне надо вернуться к работе.

Комната Грейси располагалась на втором этаже в конце длинного и широкого коридора. Алан постучал; ему ответил уверенный и очень музыкальный голос.

Отворив дверь, они оказались в угловой комнате, окна которой выходили в сад – на север и на восток. Между двумя окнами возлежал в шезлонге Грейси; рядом с ним стоял столик с несколькими стульями.

Он поприветствовал их высоким голосом:

– Входите же! Присаживайтесь! Как приятно наконец с вами познакомиться! Алан, будь другом, налей нам хереса!

Он стоит на комоде.

Раздав стаканы, Алан сказал, что ему надо идти.

– Уже? – Грейси был разочарован. – Ты так занят?

– Боюсь, вовсе нет. Нам было бы неплохо чем-то заняться. Положение дел требует от нас решительных действий, а мы не знаем, что делать. Однако надо хотя бы изображать деятельность. Мне нужно вернуться.

Грейси затянул прощание так, словно был не в силах расстаться с Аланом. Когда тот всё же ушел, Грейси с энтузиаз-

мом наклонился к Гаю:

– Расскажите мне всё о вашем бегстве из Бухареста. Я хочу знать все подробности.

Он говорил так, словно с огромным облегчением узнал об их благополучном прибытии. Принглы растерялись: их «бегство» было позади, и его подробности начали утрачивать важность. Никто не знал, что теперь творилось в Румынии. Та дверь закрылась за ними, и сейчас их волновали совсем иные вещи.

Не доверяя Грейси, Гай держался скованно, но всё же, как смог, рассказал об отъезде из Бухареста. Гарриет в это время наблюдала за человеком, который, как их убеждали, был слишком болен, чтобы принять их. Его длинное стройное тело расслабленно покоилось в шезлонге, словно и в самом деле принадлежало инвалиду, но в общем и целом Грейси казался пышущим здоровьем и, как ни странно, выглядел очень молодо. Его красивое гладкое лицо производило почти отталкивающее впечатление. Прошло некоторое время, прежде чем этот эффект стал развеиваться. Вокруг глаз обнаружались морщины, щеки были слишком полными, а волосы побелели не от солнца, но от возраста. Ему было уже за сорок; возможно, даже пятьдесят. Гарриет начало казаться, что он мумифицировался. Возможно, он бесконечно стар, но процесс старения в нем почти – но не полностью – остановился. Пока он слушал Гая, улыбка словно застыла у него на лице.

Напряженное состояние Гая не облегчало ситуацию. Даже если бы он и не пообщался ранее с миссис Бретт, он бы всё равно не смог показать себя в наилучшем свете. Он принадлежал к числу тех людей, чье обаяние и жизненная сила раскрываются, когда они находятся в положении дающих. Теперь же он зависел от щедрости Грейси, а потому пал духом.

Позволив ему помучаться еще некоторое время, Грейси спросил:

– Вы знакомы с лордом Пинкроузом, я полагаю?

– Да.

– Возможно, он заглянет к нам сегодня вечером. Уверен, что он будет рад вас видеть. Мои друзья так добры. Особенно майор Куксон. После ужина они заходят ко мне, чтобы подбодрить. Иногда тут собирается настоящая толпа.

Грейси отхлебнул хереса и, как будто решив, что момент настал, спросил:

– А чем именно вы занимались в Бухаресте?

Вопрос удивил Гая, но он спокойно ответил:

– Я ассистировал профессору Инчкейпу, который возглавлял английскую кафедру. Когда началась война, он стал директором Балканского бюро пропаганды, а я взял на себя управление кафедрой. Разумеется, к этому моменту ее размеры уменьшились.

– Разумеется. А чем занимался наш друг Дубедат?

Грейси вновь наклонился к Гаю с заговорщической улыбкой. Тот сухо ответил:

– Полагаю, Дубедат вам всё уже рассказал?

Грейси откинулся на спинку шезлонга. Казалось, он размышлял над вопросом.

– Я благодарен Дубедату, – сказал он наконец, – да и Лашу тоже. Они оказались бесценными сотрудниками. Когда со мной произошел несчастный случай, они взяли всю работу на себя, позволив мне восстановиться в тишине и покое. Возможно, вы слышали о том, что здесь произошло? Два лектора уехали. Они были привязаны к Бретту. Директор из него был кошмарный, но он был симпатичным стариканом, и его подчиненные невзлюбили меня. Они уехали, и я остался здесь в одиночестве. Лондон не мог прислать им замену. Когда Дубедат и его друг приехали сюда, я не слишком интересовался их прошлым опытом. Я был рад уже тому, что они здесь.

По тону Грейси было ясно, что он ожидает какой-то реакции. Он выжидающе поглядел на Гая, но тот ответил лишь:

– Понимаю.

– Я никогда не жалел, что взял их на работу, – сказал Грейси чуть резче. – Меня интересует только одно: почему вы с ними расстались?

– Они сами уехали, – ответил Гай.

– Вот как? – Грейси смотрел на него с дружелюбным интересом. – Я понял, что в этом была замешана ревность. Дубедат и Лаш – очень активные ребята и, возможно, склонны брать на себя слишком много. В конце концов, официально

они так и не получили должности. Возможно, кто-то хотел от них избавиться? Профессор Инчкейп, наверное?

– Профессор Инчкейп практически не был с ними знаком, – сказал Гай. – Их нанял я.

Не сводя с Гая благодушного взгляда, Грейси продолжал.

– Как бы то ни было, я знаю, что они получили обычный приказ покинуть страну, и никто за них не вступился. Их просто отпустили.

– Это они вам рассказали?

Грейси был озадачен.

– Кто-то рассказал. Это было давно, я уже не помню подробностей.

– Позвольте узнать, упоминал ли Дубедат, что я приехал в Афины в надежде найти здесь работу под эгидой Организации? – спросил Гай.

– Да. Конечно, Дубедат сказал, что вы очень хотите остаться.

Грейси выпрямился и уставился в окно как замороженный. Солнце уже опустилось за оливы, и лучи вынуждены были пробираться сквозь серебристые кроны.

– Я не хочу никого критиковать, – продолжал он. – Вы, конечно, находились в подчинении у своего профессора, и он, разумеется, дал разрешение. Но вам не кажется, что это было не вполне... как бы это сказать... не вполне серьезно? Скажем так, не было ли чуточку, самую чуточку фривольно заниматься театральной постановкой в самые черные дни –

дни падения Франции?

Потрясенный этим обвинением, Гай покраснел и начал было говорить:

– Нет, я...

Грейси продолжал, не слушая его:

– И это в то время, когда ваши студенты нуждались в обучении основам английского языка, чтобы попасть в англоговорящие страны?

– Полагаю, Дубедат рассказал вам, что он и сам принимал участие в постановке? – вмешалась Гарриет.

Гай жестом попросил ее молчать. Участие Дубедата в спектакле не имело отношения к делу, и он не желал прибегать к этому аргументу. Он готов был работать больше остальных и отдавал себе отчет в собственной принципиальности. Не привыкнув к критике и считая себя выше ее, тем не менее он был готов согласиться с упреками Грейси.

– Я так понимаю, что именно поэтому вы не желаете брать меня на работу? – спросил он.

– Боже всемогущий, нет, конечно, – рассмеялся Грейси. – Это просто частное мнение. Вопрос вашего найма более ко мне не относится. Я hors de combat¹⁹. Я передал полномочия и, надо сказать, намереваюсь покинуть Грецию. Один мой друг – очень щедрый человек – полагает, что мне необходимо полноценное лечение. Он предложил отправить меня в Ливан, где есть одна очень хорошая клиника.

---

¹⁹ Вышел из строя (франц.).

– Мистер Фрюэн говорит, что кораблей больше не будет, – сказала Гарриет. – Сообщение с Египтом прекратилось.

– Это ко мне не относится. Я надеюсь получить место на самолете, но это между нами, разумеется.

– Теперь во главе школы стоит Дубедат? – спросил Гай.

– Ну, кто-то же должен всем этим заниматься, – ответил Грейси. – Но я пока что не знаю, кто займет мое место после моего отъезда. На эту должность есть несколько кандидатов.

– Полагаю, Лондон в курсе...

– Ну что вы, разумеется. Телеграммы ходят туда-сюда. Сейчас на всё уходит столько времени.

– Есть ли вероятность, что это будет Дубедат?

– Имя Дубедата упоминалось, но решать не мне. Назначение будет исходить из Лондона.

Гай уставился на дно стакана, приподняв брови и сжав губы. Встреча с Грейси состоялась, и у него теперь не было причин подозревать сговор. Он посмотрел на Гарриет и поставил стакан, готовясь попрощаться.

– Поскольку сообщения нет, нам придется остаться в Афинах – по крайней мере, на какое-то время, – сказал он. – Полагаю, что вам не хотелось бы, чтобы я болтался тут без дела.

Грейси отмахнулся, словно давая понять, что отказывается обсуждать такой тривиальный вопрос.

– Поговорите с Дубедатом. Сейчас он возглавляет школу. Если не обращаться с ним высокомерно, он сможет вам по-

мочь. Просто будьте поуступчивее.

Принглы стали подниматься.

– Останьтесь. Выпейте еще.

Эти слова прозвучали дружелюбно, но тем не менее отчетливо напоминали приказ. Гай и Гарриет с неохотой сели обратно, не теряя, однако, надежды. Им было некуда идти, а оставшись, они могли еще чего-то добиться.

Грейси снова лег, словно этот разговор утомил его. Раздосадованные гости были не лучшими собеседниками, и он, очевидно, ожидал, что придет кто-то поинтереснее.

– Очень приятная комната, – сказала Гарриет.

Грейси с сомнением огляделся.

– Довольно унылая, вам не кажется? Типичная комната студента. Разумеется, раньше это была молодежная гостиница. Зимой здесь очень холодно. И готовят ужасно.

Пока Грейси жаловался, Гарриет с завистью оглядывала просторное полупустое помещение. Солнце садилось, и комнату заполнили тени, но за окном солнечные лучи еще окрашивали оливы в цвет янтаря. Отраженный свет проникал в комнату, и сумерки были теплыми, словно прожилки в апатите.

Мне бы подошла такая комната, подумала она. Некрашенные полы, пыльный травяной запах, простор, удвоенный благодаря открывающемуся из окон виду, – всё здесь казалось знакомым. На мгновение ей померещилось, что когда-то она уже бывала здесь, но потом это ощущение ушло. Она гналась

за ним сквозь воспоминания о прочитанных в детстве книжках, но ее размышления прервал какой-то звук.

Кто-то открыл дверь. Грейси, мгновенно оживившись, сел и воскликнул:

– Арчи, надо же!

В комнату вошел молодой человек с застенчивой и равнодушной улыбочкой. Он выглядел так, словно понимал, что его здесь ждут, и потому держался нарочито отстраненно.

– Это Арчи Каллард, – сказал Грейси Гарриет, после чего увидел, что за первым посетителем в комнату вошел второй, и оживление из его голоса исчезло: – А это Бен Фиппс.

Пришедшие посмотрели на Принглов так, как смотрят на людей, которых уже успели обсудить. Во взгляде Бена Фиппса читалось откровенное любопытство, но Каллард всего лишь смерил их оценивающим взглядом и вновь принял отстраненный вид.

– А где майор? – с энтузиазмом спросил Грейси.

– Пошел на вечеринку, – равнодушно пробормотал Каллард. – Потом придет.

Стало очевидно, что Гая и Гарриет задержали ради того, чтобы друзья Грейси могли их увидеть. После того как их представили, им полагалось уйти на второй план, что их более чем устраивало. Обычно Гая радовали новые знакомства, но сейчас он сидел молча, держа стакан у губ, словно маску. Гарриет попыталась смириться с происходящим, отстранившись и наблюдая за присутствующими так, как смотрела бы

на актеров в театре.

На первый взгляд было непонятно, почему Грейси воспринял приход Калларда с таким энтузиазмом, а появление Фиппса вызвало обратный эффект. Каллард, конечно, был куда красивее, но в Фиппсе ощущалась жизненная сила и готовность угодить. Когда его попросили «быть другом» и налить всем выпить, он с радостью взялся за дело. Возможно, он чересчур старался. Калларда, однако, никак нельзя было в этом обвинить. Он разлегся на одной из двух кроватей и, когда Грейси продолжил расспрашивать его о майоре, даже не потрудился ответить.

Фиппс ответил за него, очевидно радуясь случаю высказаться. Раздав напитки, он уселся в центре комнаты, словно стремясь упрочить свое положение, и приготовился вести беседу.

Грейси обратился к нему как к знающему человеку:

– Что слышно с фронта? Там что-то происходит?

Коренастый, ширококостный Фиппс с жесткой темной шевелюрой лицом напоминал человека смешанных кровей. Он подался вперед и уверенно сказал:

– Новостей немного. По городу ходят слухи, но на самом деле никто ничего не знает.

– Итальянцы будут здесь завтра, это точно, – вставил Арчи Каллард, уткнувшись лицом в подушку, из-за чего голос его звучал глухо.

Грейси вздрогнул и с укоризной заметил:

– Ничего смешного, Арчи.

– А я и не шучу. Они перешли границу в шесть утра. Они направляются в Афины. Что их остановит?

Грейси повернулся к Фиппсу:

– Но ведь им окажут сопротивление? Метаксас говорит, что они будут драться.

Фиппс глядел на него дружелюбно и снисходительно; это впечатление усиливали толстые очки в черной оправе. Однако Гарриет смотрела на него сбоку и видела, что на самом деле взгляд у него был цепкий и жесткий.

– Окажут, конечно. Греки традиционно не склонны к подчинению. Сопротивление у них в крови, и они будут сражаться до конца, но...

Начав успокаивать Грейси, Фиппс увлекся, и его обширные познания в вопросе увели его в сторону куда менее утешительной истины.

– У них нет оружия. Старик Муссолини готовился к этому много месяцев, но здешнее правительство ни черта не делало. Они видели, что близится война, и сидели сложа руки. Половина из них поддерживает Германию, конечно. Они хотят, чтобы всё побыстрее закончилось. Им хочется, чтобы Греция пала и гитлеровская коалиция одержала победу.

Гай заинтересовался критикой правительства Метаксаса и слушал Фиппса с нескрываемым интересом. Грейси, однако, больше привлекало частное, чем общее, и он начал неловко ерзать и в конце концов вмешался:

– В самом деле, Бен! Ты пытаешься меня напугать. Вы оба просто хотите застрашать меня. Я понимаю, что вы это не всерьез, но всё же. Я инвалид. Мне больно ходить. Я не могу передвигаться без чьей-либо помощи. Если сюда придут итальянцы, вы можете сбежать, но что делать мне?

Фиппс расхохотался.

– Мы все в одинаковом положении, – сказал он. – Если будет какой-то корабль, мы тебя на него пристроим. Если его не будет, то никто из нас далеко не уйдет. Итальянцы взорвут мост через Коринфский канал, и мы окажемся в западне!

– Зачем так переживать?

Каллард со смехом сел. Его каштановые волосы были слишком длинными, губы – слишком пухлыми, глаза – слишком большими. Он выглядел очаровательным баловником и явно сознавал это.

– Итальянцы – чудесные ребята и всегда были очень милы ко мне!

– Не сомневаюсь, – раздраженно сказал Грейси. – Но сейчас всё переменялось. Теперь они фашисты и враги. Вряд ли они будут милы по отношению к гражданским военнопленным.

Грейси впервые столкнулся с реальностью войны, и с него мгновенно слетела вся светскость. Он нахмурился, глядя на Бена Фиппса, который, хотя и знал о его страхах, был слишком возбужден, чтобы считаться с ними.

– Должен сказать, что мне нравится образ Метаксаса, в ха-

лате встречающего Грацци²⁰, – сказал Фиппс. – Это произошло около половины четвертого утра. Согласно ультиматуму, у греков было два с половиной часа, чтобы сдаться Италии со всеми потрохами. Метаксас сказал, что за такой срок не смог бы расстаться со своим домом – не то что со своей страной. Я никогда его особо не любил, но должен признать, что в этот раз он выступил неплохо.

– Да, но что делать мне? – нетерпеливо спросил Грейси. – Мне надо ехать в Бейрут на лечение.

Позабыв, как он бахвалился обещанным местом в самолете, Грейси разнервничался и был так очевидно несчастен, что Гарриет, вопреки всему, стала ему сочувствовать.

– Я слышала, что будет еще один эвакуационный борт, – сказала она. – Для женщин и детей, но наверняка...

– Женщин, детей и инвалидов, – перебил ее Арчи Каллард. – Не волнуйся, Колин. Майор тебя вывезет отсюда. Он всё устроит.

Грейси утих и снова заулыбался.

– На майора и впрямь можно положиться.

В этот момент в дверь постучали, и Грейси радостно воскликнул:

– А вот и он! Entrez, entrez!²¹

В комнату вошел Пинкруз.

– А, это лорд Пинкруз, – произнес Грейси упавшим го-

---

²⁰ Эмануэле Грацци – посол Италии в Греции с 1939 до конца 1940 года.

²¹ Входите, входите! (*франц.*)

лосом.

Пинкроуз не обратил на это ни малейшего внимания. Он просеменил по комнате, кивнул Калларду и Фиппсу, проигнорировал Принглов и заговорил:

– Я встревожен, Грейси, очень встревожен. Мы вступили в войну – вы, очевидно, уже в курсе? Да? Что ж, я пошел в миссию, чтобы справиться о перспективах моего возвращения. Можно было поговорить с Фрюэном, но мне хотелось обратиться к кому-нибудь рангом повыше.

– И с кем вы говорили? – спросил Грейси.

– С молодым Бердом.

– Господи! – Арчи Каллард расхохотался и уткнулся в подушку. – Вот как вы представляете себе высокие ранги?

– И что вам сказали?

– Ничего. Ничего особенного. Возможно, будет еще один борт.

Грейси, очевидно, был недоволен тем, что Пинкроуз прознал о планируемой эвакуации, и с упреком произнес:

– Этот борт будет предназначен для женщин и детей, а не для *мужчин*. Вы не сможете туда пробиться. Так не годится.

– Вот как?

Пинкроуз раздраженно уставился на Грейси. Тот возмущенно смотрел на него. Оба они были охвачены яростью и страхом за себя.

Свет практически померк. В призрачной полутьме иссохшая молоджавость Грейси приобрела мертвенный оттенок.

Щеки Пинкроуза выглядели серыми и сморщенными, словно кожа рептилии. Видя, что Пинкроуз чуть ли не полыхает от гнева, словно призрак, явившийся прямоком из преисподней, Грейси взял себя в руки и сказал с натянутым дружелюбием:

– Будьте другом, Бен, включите-ка лампу.

Когда стало светло, Грейси словно ожил: он откинулся на спинку шезлонга и объявил:

– Возможно, мне *придется* воспользоваться эвакуационным рейсом, но, если у меня будет выбор, я решительно откажусь. Средиземное море полно вражеских кораблей, немецких подводных лодок, мин и так далее. Это очень опасное море.

– Вот как, – неуверенно протянул Пинкроуз.

Он собирался что-то сказать, когда в дверь снова постучали, и Грейси радостно объявил:

– Майор, наконец-то!

Дверь приоткрылась, в нее просунулась рука и помахала всем собравшимся. Вслед за ней появилась голова. Широко улыбаясь, майор Куксон поинтересовался комически то-неньким голоском:

– Можно войти?

– Входите же, входите, дорогой мой! – воскликнул Грейси.

Майор принес с собой несколько нарядно упакованных свертков, которые разложил на столике рядом с Грейси.

– Немного лакомств, – сказал он, после чего сделал шаг

назад и принялся нежно разглядывать лежащего. – Как мы себя чувствуем?

– Ох уж эти противные итальянцы, – капризно протянул Грейси. – Я так переживаю!

– Не переживайте. Вам не из-за чего переживать. Оставьте эти волнения своим друзьям.

Куксон оказался мужчиной средних лет и среднего роста, с изящным, но непримечательным лицом; его аккуратный темный костюм был застегнут на все пуговицы. Он держался очень скованно. Некоторое время он стоял, сцепив руки, после чего изящно присел на стул и промокнул нос туго скатанным платком.

Арчи Каллард соскочил с кровати, охваченный неожиданным приливом энергии, подбежал к столу и принялся разглядывать и обнюхивать свертки.

– Гадкий мальчишка! – Майор с неожиданной силой шлепнул Арчи, и тот отскочил в сторону, словно танцор балета. Грейси захихикал.

Этих троих, очевидно, объединяло нечто, о чем не принято было говорить на публике. Пинкроуз с озадаченным видом наблюдал за ними, но самым посторонним здесь казался Бен Фиппс.

Грейси желал узнать, что происходило на вечеринке, на которой задержался майор. Пока они с Куксоном и Каллардом беседовали, Фиппс несколько раз пытался присоединиться к их разговору, но всякий раз на него не обращали

внимания. Однако это лишь раззадорило его, и он стал говорить слишком много и слишком громко. Остальные смотрели на него утомленно.

Гарриет смущало поведение Фиппса; она начала понимать, что его чрезмерно правильная речь и слишком большие очки были лишь маской, под которой скрывался ничем не примечательный человек. Похоже было, что он сражается с нестабильностью, происходящей от безденежья, и принадлежит к тем, кто вечно требует от жизни больше, чем она может им дать.

Майор начал разворачивать свертки.

– Я решил, что, поскольку приду сюда только к ужину, нам всем приятно будет немного перекусить.

– Какая чудесная идея! – воскликнул Грейси.

Он не потрудился представить Принглов Куксону, и они поняли, что им пора уходить. Когда они встали, Грейси поторопил их улыбкой.

– Обязательно приходите еще, – сказал он.

Когда они выходили из комнаты, оставшиеся продолжали распаковывать свертки.

Где-то внизу прозвучал гонг к ужину. Пусть еда в Академии была невкусной, свет – тусклым, а комнаты – бедно обставленными, но Гарриет была бы счастлива укрыться тут – стать частью общества, получать еду, компанию, защиту.

На улицах было темно. Власти запретили включать освещение. Принглы, держась за руки, пробирались во мраке по

неровным мостовым незнакомых улиц. Гай, который в такой темноте почти ничего не видел, вскоре упал со ступеней и вскрикнул от боли.

– Чертов Дубедат! – гневно воскликнула Гарриет, и Гай рассмеялся:

– Он не виноват, что в городе нет света.

– Нет, но зато виноват во многом другом. Интересно, что он наговорил про тебя Грейси.

– Мне тоже интересно, но какая разница? Дубедат мечтал быть не просто учителем. Он спрашивал меня, можно ли ему читать лекции. Я отказал. Видимо, его гордость была задета.

Гарриет впервые почувствовала, что она сыта по горло снисходительностью Гая.

– Дубедат – чванливое ничтожество, и ничего больше. Очень жаль, что ты вообще его тогда нанял. Надеюсь, ты не будешь просить его об одолжении.

– Нет. Подождем и посмотрим, кто займет должность Грейси.

– А могут в Лондоне назначить на это место Дубедата? Это вообще возможно?

– Возможно всё что угодно. Им известно только то, что Грейси им докладывает. Он сказал, что на эту должность есть несколько кандидатов. Выбор на самом деле остается за Грейси, потому что Лондон назначит того, кого он порекомендует. Всё просто.

– Не может же он порекомендовать Дубедата.

– Бывают кандидатуры и похуже... полагаю.

– Вряд ли. Впрочем, посмотрим. Что нам делать с деньгами?

– Не беспокойся. Организация не даст нам помереть с голоду.

– Ты будешь говорить с Грейси?

– Нет. Дам телеграмму в Каир.

– Это можно было сделать еще несколько дней назад.

– Тогда бы нам приказали отправляться в Египет. Теперь же мы застряли здесь. Им придется переслать мне мою зарплату.

Гарриет вдруг пришла в восторг. Она страшилась безденежья и отсутствия перспектив, но теперь ее страхи развеялись. Она бросилась Гаю на шею, ощущая, что само его присутствие – залог решения всех проблем.

– Что бы я без тебя делала?

Возможно, он не был так уверен в себе, как желал показать, потому что обнял ее в ответ – с такой силой, как будто потерялся во мраке города, который ничего не мог ему предложить. Несколько минут они стояли, обнявшись, преисполненные чувства благодарности за эту близость, после чего стали пробираться к главной площади. Дойдя до гостиницы, они поужинали в подвальной столовой: это было единственное место, где можно было оплатить еду потом.

Из города стали исчезать молодые мужчины. Портье из гостиницы Принглов уехал после слезного прощания, и его место занял пожилой человек с усами, как у великого Венизелоса²².

Каждый день по улицам проезжали грузовики, которые везли на вокзал рекрутов, и девушки бросали им цветы. Фермеры приводили в Афины лошадей, которые были нужны армии. Но об итальянцах ничего не было слышно.

Муссолини заявил Гитлеру, что захватит Грецию за десять дней – так же, как Германия захватила Францию. По истечении этих десяти дней его войска по-прежнему стояли у реки Каламас – там, где они встретились с ожидавшими их греками.

По итальянскому радио жаловались на недружелюбный прием. Говорили, что предложение оккупировать Грецию было жестом доброй воли и поддержки и что Италия не ожидала такого сопротивления. Итальянцам потребуется пара дней, чтобы оправиться от шока.

Итальянский министр не стал покидать Афины, но был

---

²² Имеется в виду Элефтериос Венизелос (1864–1936) – один из самых известных политических деятелей Греции, неоднократно занимавший пост премьер-министра и традиционно изображаемый на монетах, памятниках и прочем с большими пышными усами.

совершенно потрясен, когда обнаружил, что его телефонная линия работает только внутри города. Он позвонил Метаксасу и спросил, чем вызвано такое обращение. Италия ни в коем случае не воюет с Грецией.

– Сэр, у меня нет времени на филологические дискуссии, – ответил Метаксас и положил трубку.

В этой войне и в самом деле было нечто комическое, но все понимали, что долго так продолжаться не может. За итальянцами стояла махина гитлеровской Германии. За всеми смешками скрывался страх того, что греческая защита внезапно рухнет и враг захватит страну за одну ночь.

Британская миссия объявила, что всем британским подданным надо быть готовыми по приказу покинуть Грецию в течение часа. Каждый мог взять с собой один чемодан, который следовало упаковать заранее. Когда Гай явился в миссию и попросил перевести в Афины его зарплату из Каира, младший секретарь ответил:

– Если вам так удобнее, я напишу записку, но, думаю, пока перевод будет идти сюда, вы уже сами уедете в Каир. Вы готовы рискнуть? Ну что ж! Знаете, как это работает, так? Ваши деньги поступают из фондов миссии. Если хотите, можете получить небольшой аванс, чтобы расплатиться в гостинице.

Они расплатились в гостинице, и Гарриет вздохнула с облегчением, но до получения перевода у них по-прежнему не было ни гроша.

От Грейси они ничего более не слышали, как и от Дубедата. Через несколько дней после их визита в Академию портье объявил, что к ним пришел посетитель.

Гарриет открыла дверь и увидела Тоби Лаша, который с важным видом заявил:

– Я бы хотел переброситься парой словечек с хозяином.

Гай в этот момент разбирал книги. Тоби поприветствовал его с непривычной серьезностью, присел на край кровати и стал разглядывать свою трубку. Принглы ждали. Наконец он заговорил:

– Мы слышали, что вы были у мистера Грейси?

– Да, – сказал Гай.

– Дело обстоит так... – Тоби сунул в рот пустую трубку и стал задумчиво ее посасывать. – Когда мы с Дубедатом прибыли сюда, нам нужна была работа. В конце концов, нам нужно было что-то есть! Поэтому, познакомившись с мистером Грейси, мы не стеснялись. На нашем месте все бы так себя повели.

– И что же именно вы ему сказали?

– Ну, много чего. Что нам доводилось читать лекции в Бухаресте... ну и еще кое-что. Вряд ли вас интересуют все подробности, не так ли? Кое-что приукрасили. Вы же понимаете. Но дело в том, что старикан с чего-то встревожился. Надеюсь, вы нас не выдали.

– Я ничего не выдал.

– Ну, тогда всё в порядке. Но... – Тоби поглядел на Гая испытующе и указал на него черенком трубки. – Что, если мистер Грейси впрямую спросит вас, чем мы занимались?

Придя в состояние крайнего раздражения, Гай заговорил сухо и формально:

– Я отвечу ему, что не готов обсуждать дела моих друзей.

– Прекрасно! Прекрасно! – Тоби с облегчением выдохнул. – А вы не упомянули, что мы сбежали?

– Нет.

– Замечательно. Великолепно! Я так и думал, что вы не проговоритесь.

Успокоившись, Тоби прислонился к стене, вытащил табак и спички и приготовился к светской беседе.

Гарриет, однако, не разделяла его благодушия.

– Теперь мне хотелось бы задать вам пару вопросов, – сказала она. – Что именно *вы* сказали Грейси? Что Гай напрасно тратил время, занимаясь постановкой «Троила и Крессиды»?

Тоби вскинулся с обиженным видом:

– Что? Я не говорил ничего подобного.

– А Дубедат?

Тоби выпрямился и принялся трясущимися руками собирать курительные принадлежности.

– Откуда мне знать? Он видится с мистером Грейси наедине. Он не всё мне рассказывает.

Тоби встал.

– Побегу, пожалуй. Старина малость распереживался. Я скажу ему, что вы ничего не говорили. Он будет рад.

– Надо думать.

Тоби удалился, поджав хвост. Когда он ушел, Гарриет сказала Гаю:

– Дубедат хочет быть директором. Он боится, что ты этому помешал.

– Похоже на то, – вынужден был признать Гай, после чего, побледневший и опечаленный, вернулся к своим книгам, не желая продолжать разговор. Гарриет сочувствовала ему, но у нее кончилось терпение. Невозможно изменить реальность, отказываясь признавать факты.

До этого она сидела в номере вместе с Гаем, но теперь ее воодушевило ощущение собственной силы, и она предложила:

– Пойдем прогуляемся.

Он не пошевелился.

– Иди. Я не хочу.

– Но что ты будешь делать тут в одиночестве?

– Работать.

– Разве у тебя есть работа?

– Мне надо подобрать цитаты к лекции по Кольриджу.

– Это же можно сделать в любое время. Возможно, ты еще много месяцев не будешь читать лекции.

Гай покачал головой и стал тихо насвистывать, не поднимая взгляда от книг, – явный признак, что он расстроен. Гарриет

риет стояла в дверях. Ее тянуло на улицу; она не знала, что сказать. Во время прошлых кризисов – падения Франции, вторжения немцев в Бухарест – Гай успешно отвлекал себя сам: в первый раз постановкой, во второй – летней школой. Он погружался в работу, и ему удавалось удерживать тревогу где-то на периферии сознания. Сейчас у него не было ни работы, ни друзей, ни денег, но он пытался действовать проверенными методами. Однако они были недоступны. Ему оставалось лишь сидеть в темной комнате и пытаться утешиться работой.

– Разве тебе не будет удобнее в школьной библиотеке? – спросила она.

– Мне бы не хотелось туда идти.

Как-то раз, в одиночестве прогуливаясь по городу, Гарриет встретила Якимова и, пока они вместе поднимались по Университетской улице, решила расспросить его о тех, с кем успела познакомиться в Афинах.

– Кто такой майор Куксон?

– Очень важный человек, – быстро ответил Якимов.

– Да, но чем он *занимается*?

Этот вопрос оказался сложнее.

– Занимается, дорогая моя? – Якимов глубоко задумался, но затем просяял. – Я располагаю некоторыми секретными сведениями, дорогая моя. Майор Куксон – важная шишка в СС.

– Господи, вы имеете в виду немецких эсэсовцев?

– Нет. Секретную службу.

Не было смысла обсуждать эти фантазии, и Гарриет спросила насчет Калларда и Фиппса. Вздыхая от необходимости напрягать ум, Якимов отделался от нее, назвав обоих «очень достойными людьми».

– А миссис Бретт и мисс Джей? – продолжала настаивать Гарриет.

– Не спрашивайте меня, дорогая. В городе полно подобных старых куриц.

– Но что они все тут *делают*?

– Ничего особенного. Просто живут.

Англичане, которые жили в Бухаресте, приехали туда работать. Англичане в Афинах, очевидно, представляли собой совсем другую породу. Гарриет впервые столкнулась с людьми, которые жили за границей без работы, и была потрясена их инертностью.

Не узнав ничего от Якимова, она решила расспросить Алана Фрюэна. Он пригласил их прогуляться воскресным утром: он собирался отвести Диоклетиана в Национальный сад.

Как и договорились, он зашел за ними с утра, но Гай снова сказал жене:

– Иди одна.

– Пойдем с нами, милый, – взмолилась она. – Ему не захочется гулять со мной одной. Может быть, ты возьмешь ра-

боту и посидишь в саду, пока мы будем гулять?

Но Гай твердо вознамерился бунтовать против обстоятельств.

– Нет, я посижу тут, – сказал он. – Иди. Алан будет рад поговорить с тобой наедине.

Гарриет этому не верила. Стесняясь, она вышла в вестибюль, где их ждал Алан. Лицо его было скрыто очками, и невозможно было понять, о чем он думает. Он чувствовал себя столь же неловко, поэтому они молчали, пока не вышли на площадь.

Алан хромал и, когда собака тянула поводок, несколько раз едва удерживался на ногах. Он извинился, пояснив, что у него был приступ подагры.

– Мне пришлось побыть дома пару дней, – сказал он. – Впрочем, это неважно. На работе по-прежнему тихо. Нам нечем заняться, кроме новостного листка.

– А чем занят Якимов? – спросила Гарриет.

– Он его развозит.

– И всё?

Алан рассмеялся и ничего не ответил.

Прошел дождь – первый этой осенью. Он лишь слегка увлажнил почву, но небо, украшенное лиловыми и розовыми облаками, выглядело свежо, точно в начале весны. Гарриет жалела, что с ними нет Гая: он не только облегчил бы атмосферу, но и мог бы вместе с ней порадоваться смене сезонов.

Внезапно ее прорвало:

– Гай очень несчастлив. Можно ли для него что-нибудь сделать?

– Значит, вы ни о чем не договорились с Грейси?

– Вообще ни о чем. Он сказал, что сложил с себя полномочия. Предложил Гаю идти просить работу у Дубедата.

Алан нахмурился, размышляя об услышанном, после чего с усилием сказал:

– Так не может продолжаться. Над школой уже все смеются. Студенты пересказывают услышанное на лекциях. Говорят, что Лаш предположил, что Мильтон и Данте могли встречаться на улицах Флоренции. Когда один из слушателей заметил, что их разделяло около трехсот лет, Лаш сказал: «Ой, вот это я ляпнул!» Куксон некоторое время защищал их, но теперь посыпались жалобы. Я знаю, что миссис Бретт писала в Лондон. Уверен, что на смену Грейси поставят разумного человека. Я бы посоветовал подождать.

– Гай согласился бы с вами, но ему очень тяжело.

– Понимаю. Понимаю.

Алан сочувственно кивнул, и после этого между ними воцарилась гармония.

Гарриет пришло в голову, что Алан был первым человеком, знакомство с которым они с Гаем завели одновременно. В Бухаресте она была знакома только с теми, кто знал Гая еще до их свадьбы, и ей казалось, что ее принимают только как жену Гая. Это положение было тем более неудобно, что тогда она еще не привыкла быть женой. Ей казалось, что в

Англии она оставила не только своих друзей, но и свою личность. Теперь она начала осознавать всю абсурдность подобных мыслей. Почему бы Алану не быть довольным ее компанией – так же, как он был бы рад обществу Гая?

Они прошли мимо пальм вида Вашингтония крепкая, чьи могучие серебристые стволы высились у входа в сад. Песчаные дорожки извивались под мелколиственными кронами. Солнце выглядывало и вновь пряталось за облака. Бесшумно ступая, они вошли в зону, где воздух был влажным, как в тропиках, и пах землей. Алан спустил Диоклетиана с поводка, и тот тут же бросился изучать темную мягкую землю под кустами, куда почти не доходили солнечные лучи. Все дорожки были похожи одна на другую. Солнце играло в сухой листве деревьев, и песок под ногами был испещрен узорами из света и тени. Они вышли на аллею, обсаженную деревьями с сероватой упругой корой.

– Багрянник, – сказал Алан. – Иудово дерево. Обязательно полюбуйте ими весной.

– Они цветут весной?

– На Пасху.

Где же они будут на Пасху? Алан предложил ждать, но более не сказал ничего. Да и что бы он мог сказать? Приехав сюда, они с Гаем сами создали себе проблему, и им предстояло решать ее самостоятельно.

Гарриет казалось, что им нужна лишь более дружелюбная страна, и тогда их жизнь начнется заново; но пока что они

вновь застыли в неопределенности. В Бухаресте у них были работа и дом. Был Саша. Возможно, Гай найдет здесь работу, и у них может появиться дом, но Саша, по-видимому, потерян навеки. Даже воспоминания о нем уже растворялись в прошлом. Она уже с неделю не думала о Саше, хотя в душе у нее навсегда осталась тень – словно темнота, в которой он исчез. Видимо, он умер – как и ее любимый рыжий котенок, который выпал с балкона. Если вспоминать погибших невыносимо, следует вытеснить из головы сами мысли о них. Невозможно дать никакого другого отпора горю.

От этих размышлений ее отвлекли крики птиц и детей. Они шли через рощицу, где пахло озером, заросшим и глинистым.

– Где же Диоклетиан? – сказал Алан. – Надо взять его на поводок.

Он позвал собаку, и они вышли из-под деревьев на солнце. На берегу озера стояли железные стулья. Озеро было маленьким и обмелевшим за лето. Его пересекал мостик, под которым простиралась вода – блестящая зеленоватая жидкость, в которой плескались утки, гуси и лебеди. Дети кормили птиц, а те производили невероятный шум.

Дохравав до пары свободных стульев, Алан сказал, что ему надо присесть. Он осторожно навис над сиденьем и со вздохом опустил на него свое большое тело. Когда они устроились, к ним подошел смотритель и встал в стороне, вежливо ожидая платы. Алан дал ему денег, и старик отсчитал

несколько монет сдачи – таких мелких, что они негодились уже ни на что, кроме оплаты права посидеть у воды. Алан побеседовал со зрителем по-гречески, после чего объяснил Гарриет, что они говорили о войне. Старик рассказал, что два его сына ушли на фронт, но он ничуть за них не переживает: англичане обещали помочь грекам, а все знают, что англичане – сильнейший народ в мире.

– Мы с ним знакомы, – сказал Алан. – Я часто прихожу сюда, чтобы почитать Кавафиса. Вы, наверное, знаете Кавафиса? Нет? Я как-нибудь переведу вам его «Варваров». Очень актуальное стихотворение.

– Англия в самом деле собирается послать сюда подмогу?

– Хотелось бы знать. Посылать-то нечего. Я слышал, что греков не интересуют полумеры, но, боюсь, на полномасштабную кампанию мы не способны.

О войне больше было нечего сказать, и они долго сидели молча. Гарриет гадала, как бы задать Алану вопросы, на которые не смог ответить Якимов. Преодолев наконец свою нерешительность, она спросила:

– Вы давно знакомы с Куксоном?

– Мы неоднократно встречались на протяжении многих лет.

– Значит, вы здесь живете уже давно? А до войны вы тоже были из тех, кто живет за границей и ничего не делает?

Уловив ее неодобрительный тон, Алан рассмеялся и сказал:

– Вовсе нет. Мне приходилось зарабатывать себе на жизнь. У меня была студия на Ликавитосе, и я жил в таких местах, как Микены, Нафплион, Дельфы и Олимпос. Когда я селился где-то, то старался впитать в себя это место, а потом зафиксировать его. Я написал несколько предисловий к альбомам фотографий, но это мелочи. Главным были фотографии. Мне бы хотелось описать всю Грецию.

– А когда с этим будет покончено, чем вы займетесь?

– Начну сначала.

– А Диоклетиан путешествует с вами?

– Конечно. Он такой же эллинофил. Я привез его из Англии, когда был там в последний раз, лет пять назад, – частично ради его же блага, а частично потому, что не хотел больше туда возвращаться.

Увидев ее вопросительный взгляд, он улыбнулся:

– Если бы я привез его обратно, ему пришлось бы отправиться в карантин. Нас разлучили бы на полгода, что совершенно невозможно. Он служит мне защитой. Когда родственники пишут укоризненные письма, я отвечаю, что с радостью приехал бы, но как быть с Диоклетианом?

– А если вам всё же придется уехать? Если нам всем придется уехать? Что вы будете делать?

– Давайте подумаем об этом, когда время придет.

Гарриет воспользовалась моментом, чтобы вернуться к обсуждению Куксона.

– Он здесь, кажется, имеет большое влияние, – сказала

она.

– Наверное. Он уже долго живет здесь и знает много влиятельных людей. Он многим нравится. Куксон – довольно обаятельный человек, и у него есть дом в Фалироне, у моря; летом там потрясающе. Он очень гостеприимен и славится своими приемами. Все хотят на них попасть.

– Он женат?

– Когда-то был, по-моему.

– А теперь?

Алан рассмеялся:

– Теперь? Не могу сказать. Он как-то пригласил меня на одну «небольшую и очень любопытную вечеринку». Боюсь, я ушел очень рано: было очевидно, что вечеринка становится всё любопытственнее и любопытственнее.

– Он, по-видимому, очень добр к Грейси.

– Да, они большие друзья. Грейси подлизывается к нему. Все они перед ним пресмыкаются. Только это и требуется.

– Вот бы и Гай этим занялся, – сказала Гарриет. – Но он не способен подлизываться к нужным людям.

– Полагаю, это его достоинство?

– Возможно, но оно вряд ли нам поможет.

Алан рассмеялся. Видя, что он молчит, Гарриет продолжила расспрашивать его о Грейси: в самом ли деле он инвалид?

– Кто знает? Он и вправду упал на горе Пендели и повредил спину. Такое бывало со многими, но я никогда еще не

слышал, чтобы кому-то после этого приходилось лежать месяцами. Но он твердо вознамерился уехать на лечение в ливанскую клинику.

– Мне кажется, он устал от всего этого спектакля.

– В самом деле? – Алан с интересом посмотрел на нее. – Вы имеете в виду травму? Думаете, это спектакль?

– Да. Миссис Бретт говорит, что он очень ленив. Уверена, что он никогда не хотел управлять школой – ему хотелось быть номинальным лидером. Он наверняка был очень доволен, когда под руку подвернулись Тоби и Дубедат, а этот несчастный случай был спасением свыше. Это оправдывало его безделье, но теперь игра затянулась. А он обречен продолжать ее, пока не уедет.

– Вы, возможно, правы.

Алан с трудом встал. Загадка Грейси не представляла для него интереса.

– Кажется, будет еще один дождь.

Солнце спряталось за облаками. Взрослые окликали детей, и первые капли создавали на поверхности воды маленькие лунные кратеры.

Шагая под деревьями, Алан молча смотрел перед собой. Если его не донимали вопросами, он, казалось, не чувствовал нужды в беседе, и Гарриет гадала, почему этот сдержанный и молчаливый человек вообще искал чьего-то общества. Поскольку говорить было не о чем, она продолжала свои расспросы. Что насчет Арчи Калларда? Конечно, он являлся

другом майора, но был ли он чем-то бóльшим?

– Он умный молодой человек, – сказал Алан. – Совсем не дурак, уверяю вас, но очень ограничен тем фактом, что его отец богат. У него нет нужды работать, но он вечно жалуется на недостаток денег. Порой он затевает какие-то проекты, надеясь заработать. Ездил на остров Лемнос, чтобы найти лабиринт, которого, возможно, никогда и не существовало. Недавно он некоторое время прожил на Патмосе: хотел написать биографию Иоанна Богослова. Разумеется, потом ему всё это наскучило, и он вернулся обратно. Сейчас как раз такой период.

– А Бен Фиппс? Никогда бы не подумала, что у него богатый отец.

– Это и в самом деле не так. Он работал здесь журналистом и опубликовал несколько работ. Я их не читал, но, насколько мне известно, он обладает некоторой репутацией.

– Что он делает в этой компании?

– Надеется на выгоду.

– Но какую?

– Продвижение по службе, например. Ему надоело кое-как сводить концы с концами своей журналистикой. Ему хотелось бы получить непыльную, надежную, хорошо оплачиваемую работу, которая к тому же определила бы его на видное место в обществе.

– Вы имеете в виду должность Грейси?

– Она подошла бы.

– Понимаю. Если он получит ее, как вы думаете, он наймет Гая?

– Вполне вероятно. Я знаю, что он недолюбливает Розенкранца и Гильденстерна.

– Лаша и Дубедата? Предателей, которые служили королю. Интересно, что получают те, кто служит Грейси?

– Скоро мы об этом узнаем.

Они дошли до гостиницы, и Гарриет остановилась.

– Я встречаюсь с Якимовым в «Зонаре», – сказал Алан. – Не хотите к нам присоединиться?

– С удовольствием, – ответила она. – Пойду узнаю, удастся ли мне выманить Гая.

Она взбежала по лестнице, ожидая, что не застанет Гая: он не умел долго находиться на одном месте, вечно жаждал общения и вряд ли бы смог просидеть в их тесной комнатухе два часа. Однако он лежал на горе подушек, сдвинув очки на лоб и обложившись книгами. В шевелюре его красовался карандаш.

– Ты здесь уже долго сидишь, – пожурила она его. – Тебе надо выпить. Пойдем.

– Пожалуй, нет.

– Да что с тобой случилось? Ты заболел?

– Нет.

Он опустил очки на нос и посмотрел на нее.

– У нас нет денег.

– Пусть Якимов угостит тебя. Ты достаточно поил его, ко-

гда у него не было денег.

– Я не могу идти в кафе в надежде, что за меня кто-нибудь заплатит.

– Пойдем. Я заплачу.

– Нет, не волнуйся за меня.

– Тогда пойдем в столовую, и ты что-нибудь съешь.

Они спустились в подвал, и он съел обед, не говоря ни слова. Гарриет надеялась, что, оставшись вдвоем в этом городе, полагаясь лишь друг на друга, они сблизятся. Теперь же ей казалось, что он был ближе всего, когда его не было рядом, – например, в тот момент, когда она воображала его в самолете над Эгейским морем. Он прибыл в Афины, и они сразу же отдалились друг от друга.

Гай не умел закрываться от всего мира в близости. Главными отношениями в его жизни были отношения с внешним миром, и Гарриет гадала, способен ли он воспринять какую-то иную форму отношений. Он был обижен не на нее, а на мир, не сдержавший своих обещаний, и прятался от него. Здесь они были свободны и располагали временем, чего за предыдущий год их брака ни разу не бывало, но Гай ушел в себя, а она ходила на прогулки с посторонним человеком.

6

На следующее утро им позвонили во время завтрака. Гай вернулся к столу преображенным, чуть ли не бегом преодолев ступеньки, ведущие в столовую. Лицо его сияло.

– Доедай быстрее! – сказал он Гарриет. – Мы идем в миссию!

– Правда? Зачем?

– Каир одобрил мое присутствие здесь. Судя по всему, им больше не нужны люди в Египте. Миссия сообщила, что я могу получить деньги.

Гарриет дошла вместе с ним до миссии и подождала в канцелярии, пока Гай общался с бухгалтером и получал деньги из фонда миссии. Она слышала, как радостно звенел его голос; выйдя, он на ходу продолжал запихивать драхмы в старый дешевый бумажник, который обычно держал в нагрудном кармане. Всем своим видом он демонстрировал свое безразличие к деньгам, но Гарриет знала, что к их отсутствию он далеко не так безразличен.

– Представь: сюда посылают из Бухареста нашего старого друга, Добби Добсона. У нас будет друг при дворе.

– Будет ли? – с сомнением спросила Гарриет.

– Разумеется, – уверенно ответил Гай. – Мне нравится Добсон. Очень нравится. Такой искренний, такой дружелюбный.

Гай тоже был искренним и дружелюбным, что было куда более удивительно, учитывая бедность, в которой он вырос. Его подход к жизни, основанный на непритязательности и уверенности в себе, казался Гарриет совершенно уникальным. Однако, как оказалось, непритязательность эта была не абсолютной, а уверенность легко было поколебать. Оставшись без денег, Гай ушел в себя; теперь он повернулся к миру, но Гарриет уже смотрела на него другими глазами.

– Я никогда не могу понять, играешь ты или говоришь серьезно, – сказала она.

– Не думай об этом. Где бы нам сегодня поужинать?

– Где угодно, только не в гостиничной крипте.

– Давай пригласим на ужин Алана. Он и подскажет, куда пойти.

В полдень они обнаружили Алана в «Зонаре». Услышав приглашение, он покраснел и скривил лицо в обычной своей болезненной улыбке. Было очевидно, что он благодарен; Принглы почувствовали, как ему недостает дружеского общения. Как странно, подумала Гарриет, что он так и не обзавелся друзьями и, проведя столько лет в Греции, довольствуется компанией новоприбывших вроде них или Якимова. Возможно, дело было в том, что он предлагал людям дружбу, но не мог сделать следующий шаг. Легко было вообразить, что у него масса знакомых, но никто из них понастоящему его не знает.

Алан предложил пойти в таверну, где они могли бы по-

смотреть греческие танцы. Он знал одну неподалеку от Римской Агоры²³. Тем же вечером он заехал за ними на такси и подарил Гарриет букет лиловых цветов.

– Цикламены! Так рано! – воскликнула она.

– Да, они начинают цвести рано. Всё здесь начинается так рано, что вскоре заканчивается.

– Значит, и зима закончится, не успев начаться?

– Увы, нет. Зима здесь может быть непростой, и она может начаться со дня на день. В горах погода уже переменялась. С фронта сообщают о непрерывных ливнях. Надеюсь, что итальянцы застрянут в грязи вместе со своей тяжелой техникой.

Их высадили на широкой темной улице, продуваемой холодным ветром. Алан провел их мимо затянутых черными шторами окон в маленькую таверну, где сидел один лишь хозяин – с таким видом, будто он уже утратил всякую надежду увидеть посетителей. При виде Алана он вскочил и предложил им выбрать один из столов, окружавших пустое пространство в центре. Середина зала предназначалась для танцев, но танцевать было некому.

Принглы уселись, а Алан еще некоторое время разговаривал с хозяином. Голос пожилого грека был полон горечи, он трагически воздевал руки, и в целом и без перевода Алана было понятно, что ничего хорошего не произошло. У хозяи-

---

²³ Римская Агора – рыночная площадь в Афинах, расположенная к северу от Акрополя.

на таверны было два сына, которые считались умелыми танцорами и состязались в танцевальном искусстве с соседями. Но теперь его сыновья и остальные молодые люди ушли на войну, а он остался один. Впрочем, даже если бы его мальчики были дома, танцев всё равно бы не было: греки отказались от танцев. Как можно танцевать, когда друзья, братья и возлюбленные ушли на войну. Никто не будет танцевать, пока с греческой земли не уйдет последний враг. Но таверна была по-прежнему открыта, и хозяин был счастлив видеть Алана и его спутников. Когда его представили Гаю и Гарриет, он пожал им руки и сказал, что может предложить ягнятину с помидорами и луком, а уж хорошее вино, даст бог, всегда найдется – и белое, и красное.

Он ушел на кухню, и Алан извинился за мрачность обстановки. Видя, как он расстроен, Гарриет стала расспрашивать его о мальчиках, которые раньше танцевали в этой таверне. Что это были за танцы и где им обучали?

Алан тут же оживился.

– Все греки умеют танцевать. Для них это естественная форма самовыражения. Если играет музыка, кто-то непременно выйдет в центр, протянет руку, за нее возьмется другой, и начнутся танцы. А бывает еще и *зейбекико*! Это танец, в котором участники кладут друг другу руки на плечи: сначала их двое или трое, потом присоединяются следующие, женщины хлопают в такт... Всё вокруг так и бурлит от волнения. Кровь начинает кипеть!

– Хотела бы я это увидеть.

– Возможно, еще увидите. Не будет же война продолжаться вечно.

Когда принесли вино, Алан пригласил хозяина выпить с ними за скорую победу. «Победа, победа!» – воскликнул тот, подняв бокал, после чего сообщил гостям, что итальянцы уже через месяц будут на коленях. Лично он в этом не сомневался.

Когда хозяин вышел, в комнате стало тихо. Эту тишину нарушало только жужжание ламп, под которыми на стенах были развешаны плакаты. На одном красовалась Мадонна в византийском стиле, другой представлял собой военную пропаганду: эфирские²⁴ женщины, подоткнув юбки, помогали мужчинам поднимать пулеметы по склону горы.

Принеся еду, хозяин деликатно удалился и сел за свой столик, пока Алан не окликнул его:

– А где же все посетители?

Хозяин снова вскочил и объяснил, что людям сейчас не хочется развлекаться. Они не желают веселиться, пока молодые люди сражаются и умирают.

Когда он снова сел, Алан посмотрел на него с нежной грустью, и Гарриет спросила:

– Вы очень любите Грецию, да?

– Очень. И саму страну, и ее жителей. В них есть восхитительная энергия и доброжелательность. Конечно, им хочется

---

²⁴ Имеются в виду жительницы Эпира – региона на северо-западе Греции.

нравиться, но это не мешает их независимости и индивидуальности. Знаете историю про греческого столяра, которого попросили сделать шесть стульев?

– Нет. Расскажите.

– Заказчик хотел шесть одинаковых стульев, и столяр заломил непомерно высокую цену. Заказчик пришел в ужас, а столяр ответил: за полцены я сделаю вам шесть разных стульев.

Алан еще некоторое время рассказывал им о грехах и сельской местности – «идиллической и неиспорченной». Гая интересовали практические аспекты греческой жизни, и его внимание привлекло слово «неиспорченная»: не имел ли Алан в виду неразвитость? Говоря об идиллии, не хочет ли он сказать, что условия жизни крестьян не менялись со времен Оттоманской империи? Как можно наслаждаться красотой страны, жители которой живут в нищете и несчастье?

Алана это нападение застало врасплох. Его мрачное лицо словно потемнело, и он, казалось, утратил дар речи. Несколько мгновений спустя он ответил таким тоном, словно была задета его гордость:

– Я много путешествовал по этой стране, и мне не приходилось видеть, чтобы люди здесь были несчастливы.

В голосе его прозвучали раздражение и вызов, и если бы Гарриет могла, то немедленно сменила бы тему, но Гая так просто было не остановить. Будучи уверенным в том, что такого умного и цивилизованного человека, как Алан, неслож-

но переубедить, он с интересом спросил:

– А разве они счастливы? Можно ли быть счастливым под управлением диктатора?

– Диктатора! – изумленно повторил Алан и рассмеялся. – Это можно, конечно, назвать диктатурой, но всё же очень мягкой. Подозреваю, вы общались с членами коммунистической партии? Что бы они сделали, интересно, если бы пришли к власти? До прихода к власти Метаксаса здесь уже пытались ввести современную политическую систему – в обществе, которое, по сути, находилось на примитивном уровне развития. Результатом был полнейший хаос. Когда-то здесь царила обычная полувосточная коррупция, но при первой же попытке установить демократические свободы эта коррупция утратила всяческие берега. Единственным выходом для Метаксаса было положить этому конец. Эксперимент остановили. Временно, конечно.

– И когда, по-вашему, его возобновят?

– Когда страна станет способна к самоуправлению.

– И когда это случится? Что делается для того, чтобы Греция нагнала более развитые страны? Я, конечно, имею в виду уровень индустриального развития.

– Надеюсь, что ничего, – ответил Алан так резко, что Гай и Гарриет воззрились на него с удивлением. – С Грецией и так всё в порядке. У Метаксаса нет личных амбиций. Он является своего рода патриархальным деспотом, наподобие деспотов прошлого, но по большому счету я считаю, что он непло-

хо справляется.

– Значит, вам бы хотелось, чтобы крестьяне продолжали жить в живописной бедности? – спросил Гай, оценивая уровень ограниченности Алана.

– Мне бы хотелось, чтобы они оставались такими, как сейчас: любезными, щедрыми, благородными и храбрыми. Афины, конечно, уже не те. Раньше в этом городе каждого приезжего встречали словно гостя. Постепенно приезжих становилось всё больше, и этот обычай постепенно отмер, но не полностью. В этой стране и на островах еще жива великая традиция *филоксении*²⁵ – дружбы с чужеземцами. Жива она и здесь, в этой маленькой таверне!

Голос Алана прервался; его душили чувства. После паузы он продолжил:

– Это благородный народ! Зачем кому-то менять его?

– Благородный, разумеется, – кивнул Гай. – Они заслуживают большего, чем голодное существование.

– Не хлебом единым. Вы, молодые радикалы, желаете превратить весь мир в один большой завод и ждете, что это случится за одну ночь. Вы и знать не хотите, что разные страны находятся на разных уровнях развития.

– Это вопрос не только развития, но и свободы, а особенно свободомыслия. В Греции есть политические заключенные, не так ли?

---

²⁵ Филоксения (*греч.* φιλοξενία) – гостеприимство, буквально: любовь к иностранцам.

– Мне это неизвестно. Возможно, они есть, но если человек твердо вознамерился мешать всем жить, то ему самое место в тюрьме.

– Эти люди желают улучшить условия жизни своих соотечественников.

– Как и мы все, – произнес Алан с кроткой досадой человека, подвергающегося нападкам за свои идеи. Он вытащил солнечные очки и принялся вертеть их в руках.

Видя, как дрожат его пальцы, Гарриет сказала:

– Дорогой, давай сменим тему.

Но Гай уже полностью погрузился в греческий вопрос. Пока он подробно вещал о хороших школах, больницах, уходе за беременными и детьми, коллективных хозяйствах и фабриках, принадлежащих рабочим, Алан становился всё мрачнее и мрачнее. Наконец он не выдержал:

– Вы родом с промышленной территории. Единственная доступная вам форма прогресса – промышленная. Греция же никогда не была промышленной страной и, я надеюсь, не станет.

– Но сможет ли Греция поддерживать свой народ без промышленности?

Даже не пытаясь ответить на этот вопрос, Алан сказал:

– Я люблю Грецию. Люблю греков. Я не желаю видеть здесь перемены.

– Вы говорите как турист. Страна должна поддерживать свой народ.

– Их поддерживают. Никто не умирает с голода.

– Откуда вы знаете? Голод убивает медленно. Сколько греков эмигрирует каждый год?

За столом воцарилась тишина. Алан положил свои очки, уставился на них и вдруг рассмеялся.

– Вам надо поговорить с Беном Фипсом, – сказал он. – Думаю, вы найдете общий язык.

– В самом деле? – удивленно спросила Гарриет.

– О да. Бен гордится своими прогрессивными взглядами.

– Вряд ли Куксон это одобряет.

– Фипса там никто всерьез не воспринимает. Как вы знаете, сейчас модно быть левым. Его считают кем-то вроде придворного шута. Пусть верит во что угодно, только не пытается что-то изменить.

– Мне бы хотелось встретиться с ним снова, – сказал Гай.

– Думаю, это можно устроить.

– Давайте возьмем еще бутылку.

Алан утратил для Гая всякий интерес, но, не зная этого, он оживился, как школьник после уроков. Он снова заговорил о красотах Греции и стал рассказывать им о своих путешествиях по островам и материковой части. Гай, не участвуя в разговоре, слушал с вежливым интересом, придавая Алану не больше значения, чем Куксон – Фипсу.

Когда они собрались уходить, хозяин так пожимал им руки, словно боялся снова остаться в одиночестве и тишине – в? месте, где раньше играла музыка и танцевали.

Автомобилей на улице было мало, и поймать такси не представлялось возможным. Алан провел их узкими улочками к площади Плаки, где они и услышали сигнал воздушной тревоги. Согласно предписаниям полиции, при ее звуках необходимо было отправиться в укрытие, но тревогу объявляли в Пирее, и афиняне не особо соблюдали эти требования. Алан предложил присесть на стулья рядом с кафе, а при появлении полиции спрятаться внутри.

Луна лихорадочно выглядывала из-за бегущих облаков и освещала старые дома, деревья и табличку, сообщавшую, что где-то неподалеку жил Байрон. Ветви перечных деревьев колыхались на ветру, словно водоросли. Было слишком холодно, чтобы сидеть на темной улице, но всё же прохладный воздух был лучше дымного чада внутри крохотного кафе.

Хозяин кафе, заслышав голоса снаружи, выглянул из окна и спросил, не хотят ли они кофе. Алан объяснил, что они хотят только переждать воздушную тревогу. Хозяин заметил, что ожидание может затянуться, и предложил всё же угостить их. Горячий сладкий кофе подали в маленьких чашечках. Официант не стал задерживать занавеску до конца – своеобразное проявление гостеприимства. Кто-то внутри заиграл на концертине «Типперери» в их честь. Они выпили свой кофе и заказали еще. Луна скрылась за облаками, и их окутала полная темнота – за исключением полоски света, пробивавшейся в щель между занавесками.

– Они отважны свыше сил, способны рисковать свыше ме-

ры благоразумия, не теряют надежды в опасностях²⁶, – сказал Алан.

– Фукидид? – спросил Гай.

Алан кивнул, и Гарриет попросила:

– Прочтите нам ваш перевод Кавафиса.

Подумав немного, Алан начал:

– Чего мы ждем, собравшись здесь на площади? Сегодня в город прибывают варвары...

Он остановился.

– Это очень длинное стихотворение. Слишком длинное.

– Нам всё равно нечем больше заняться, – сказала Гарриет и вдруг поняла, как счастлива здесь, рядом с Гаем, который вылез из своей раковины и стал ее спутником в свободе без прошлого и будущего. Эта свобода была словно паузой во времени, даром, который можно только благодарно принять.

Алан хотел уже продолжить чтение, как прозвучал сигнал отбоя тревоги.

– В другой раз, – сказал он. – Теперь мне надо вернуться и покормить бедного Диоклетиана.

---

²⁶ Фукидид. История. I. 70. Пер. Г. Стратановского.

Алан пригласил Гарриет снова составить ему компанию на прогулке по саду. Поэтому, когда ей сообщили, что ее ждут в вестибюле, она спросила у Гая:

– Не хочешь присоединиться?

К Гаю вернулось обычное его желание общаться со всеми миром.

– С радостью, – ответил он и поспешил вниз по лестнице, но вдруг резко остановился. – Я не хочу его видеть.

– Кого?

– Это снова Тоби Лаш.

Гарриет пришла в ярость, увидев выражение лица Гая: он был задет и напуган.

– Я с ним разберусь, – сказала она. – Стой здесь.

Тоби, в кожаной куртке, с пышными усами и падающей на глаза шевелюрой, напоминал старую безобидную овчарку. При виде Гарриет он разулыбался, словно принес хорошие новости, и был явно поражен ее резким тоном, когда она спросила:

– Что вам нужно?

– Поговорить со стариной. Он здесь?

– Нет.

– Когда с ним можно будет увидеться? Это срочно.

– Никогда. Можете передать, что хотели, через меня.

– Нет. Я получил приказ лично поговорить с Гаем.

– Он не хочет вас видеть. Если вам есть что сказать, можете сообщить это мне.

Тоби замялся и начал переминаясь с ноги на ногу, но в конце концов произнес:

– Планируется эвакуационный рейс. Всё решено. Дубедат просил передать, что забронировал места для вас двоих.

– В самом деле? Зачем?

– Вы что, не понимаете? Это ваш шанс! Здесь для вас ничего нет: ни работы, ни денег, ни жилья, а теперь еще и это вторжение итальянцев. Вам повезло, что появилась возможность уехать.

– А Грейси едет?

– Да, увы, нам придется с ним расстаться.

– А вы с Дубедатом?

– Мы бы с радостью, но кто-то должен остаться на хозяйстве. Эвакуация не для нас. Старик воспользовался своими связями и нашел местечко для вас, поскольку вы на мели.

Тоби нервно хохотнул и подергал усами, намокшими под носом.

– Лично я предпочел бы уехать, – добавил он.

– Вы меня удивляете. Новости с фронта неожиданно оптимистичны. Говорят, что итальянцы ни на что не годны. Целая дивизия застряла в ущелье в Пиндских горах и даже не пытается выбраться.

– Вы совершенно напрасно верите этим рассказням. Гре-

ки готовы придумать всё что угодно. Может, итальянцев сейчас и остановили, но рано или поздно они прорвутся. У них есть танки, грузовики, пулеметы и так далее. После этого они в два счета окажутся здесь. Мы и сами не хотим здесь задерживаться, но у нас здесь работа.

– У вас была работа в Бухаресте, но вы оттуда сбежали.

– Ну знаете ли! – Тоби наконец нашел в кармане спички и попытался разжечь трубку. – Давайте будем честны! Старик позаботился о вашей безопасности. Вам крупно повезло, что вы уезжаете.

– Мы никуда не уезжаем.

Тоби выпучил глаза.

– Вообще-то уезжаете. Это приказ. Вы сами видели письмо. Дубедат сейчас здесь за главного, и если у Гая осталась хоть капелька разума, он не будет создавать проблем. Если он уедет в Каир, мы ни слова никому не скажем о том, как он явился сюда вопреки приказу. Старина обещает. Будьте же благоразумны. Это единственный корабль. Последний. Отдайте-ка мне свои паспорта, и мы всё оформим.

– Мы никуда не едем, – повторила Гарриет и стала подниматься по лестнице.

Тоби голосил ей вслед:

– Мы позвоним в Каир! Мы будем жаловаться!

Гай успел укрыться в их комнате. Он лежал на кровати и с равнодушным видом читал книгу: опасаясь вестей об очередном предательстве, но тщательно это скрывая.

– Нам приказали эвакуироваться. Дубедат приказал.

– И это всё? – Гай со смехом уронил книгу.

– Это последний борт. Если мы не эвакуируемся сейчас, то застрянем тут.

– Сложно выбрать для этого лучшее место.

8

Накануне отхода эвакуационного судна Куксон устроил прощальный прием в честь Грейси. Среди приглашенных был и Якимов.

– Кто еще там был? – спросила Гарриет на следующий день.

– Буквально все, – ответил Якимов.

Гарриет почувствовала себя уязвленной: она воображала, что они с Гаем уже стали частью местного общества, но оказалось, что это не так. Однако когда последний корабль ушел, в городе воцарилась совсем иная атмосфера. Люди не знали наверняка, кто уехал, а кто остался, и поэтому встречали друг друга с ликованием. Словно ветераны, задержавшиеся, чтобы дать отпор врагу, они смотрели друг на друга с заново обретенной приязнью.

Тем временем ситуация на фронте переменилась. Стоило уплыть кораблю, как на улицах началось ликование: сдалась альпийская дивизия, застрявшая в горах Пинда. Греки взяли пять тысяч военнопленных. «Даже Муссолини не может заставить итальянцев драться!» – говорили люди друг другу. Греки, которые до этого сражались, не веря в свою победу, стали видеть во враге водевильного злодея, который валится с ног от первого же удара.

На фоне всеобщего ликования в Татой²⁷ и Элефсис начали прибывать британские летчики. Они появились на городских улицах как раз в тот момент, когда греки упивались восторгом и надеждой.

Гай и Гарриет шли в «Зонар», чтобы встретиться там с Аланом, и по пути встречали молодых англичан – робких, розовощеких, окруженных восторженными афинянами. Возле кафе они встретили толпу, которая несла на плечах бородатого английского летчика, направляясь к улице Гермеса. Вокруг гремел греческий боевой клич: «*Аэра! Аэра!*» – на что пилот, размахивая руками, отвечал: «Йо-хо-хо и бутылка рома!»

– Это старинный английский боевой клич, – пояснил Алан, и окружающие стали передавать его слова дальше. Аплодисменты усилились.

Пилота уже не было видно, но, прежде чем шумное веселье стихло вдаль, на углу улицы остановился грузовик с греческими солдатами. Они сидели на горах одеял и теплой одежды: афиняне жертвовали всё возможное в помощь солдатам, которые вынуждены были сражаться под дождем и снегом. При виде грузовика прохожие бросились к солдатам и стали хватать их за руки. Гарриет, заразившись всеобщим возбуждением, взяла бокал Алана, подбежала к грузовику и протянула его солдатам. Один из них с улыбкой принял бо-

---

²⁷ Татой – бывшая загородная резиденция королевской семьи Греции, расположенная неподалеку от Афин.

кал, но не успел он отхлебнуть, как грузовик тронулся.

– Простите, – сказала Гарриет.

– Это был самый что ни на есть уместный жест, – уверил ее Алан. – Греки любят подобное. И поскольку мы еще не виделись после отхода корабля, давайте выпьем за то, что вы остались здесь несмотря ни на что. И правильно сделали, на мой взгляд. Я верю, что слабейшие одержат победу, а жертвы накажут обидчиков.

Они выпили, и Гарриет спросила:

– Полагаю, Дубедат теперь и в самом деле стал главным?

– Нет, – ответил Алан. – На приеме у Куксона произошла прелюбопытная история. Грейси у всех на глазах потребовал у Дубедата вернуть письмо, в котором назначал его временно исполняющим обязанности директора. Он решил, что до назначения нового директора школу надо закрыть.

– Но ведь директором всё равно могут назначить Дубедата.

– Возможно. Кто знает? А вот и еще один претендент на должность. Гай говорил, что хочет пообщаться с ним.

Бен Фиппс перешел Университетскую улицу; увидев Алана, он помахал ему и устремился к их столику. Он уже выглядел не таким оживленным, как раньше, хотя и пытался держаться с деланой веселостью; казалось, его мысли витают где-то далеко.

– Боюсь, что не смогу задержаться, – сказал он. – Я должен ужинать в Фалироне, а у меня сломался автомобиль. При-

шлось оставить его в Психиконе²⁸.

– Ну, выпить-то у вас хватит времени, – возразил Алан с иронической язвительностью, которая заставила Фиппса попытаться взять себя в руки.

– Не судите меня строго, – попросил он. – Я не в форме. У меня еще осталось небольшое похмелье после Великого Прощания.

Они обсуждали прием у Куксона, когда мимо них прошла миссис Бретт: она направлялась в кафе со своей подругой, мисс Джей, и остановилась, чтобы сообщить, что съезжает из гостиницы.

– У меня теперь своя квартира. Я буду давать приемы, вот увидите! Великолепные приемы. Вы же придете? – спросила она у Алана, после чего повернулась к Принглам с тем же вопросом, не обращая внимания на Бена Фиппса, который смотрел куда-то вверх ее головы. Закончив описывать преимущества своего нового жилья, она бросила на Фиппса ядовитый взгляд. – Значит, мы наконец избавились от Грейси! Слышала, в Фалироне по этому поводу было празднество. Очевидно, не я одна радовалась его отъезду.

Приняв эту реплику на свой счет, Бен повернулся к мисс Джей и любезно поинтересовался:

– А вам понравился прием у майора? Видел, что вы оценили закуски.

Мисс Джей тут же развернулась и удалилась в кафе, но

---

²⁸ Психикон – северный пригород Афин.

миссис Бретт не желала сдаваться. Возбужденная присутствием врага, она заговорила с еще бóльшим воодушевлением:

– А что же лорд Пинкроуз? Надеюсь, он не уехал?

Алан, переминаясь на своих больных ногах, смущенно улыбнулся:

– Нет, он не уехал. Он с самого начала колебался и в итоге решил остаться. Полагаю, его убедили новости с фронта.

– И правильно, – заявила миссис Бретт с таким видом, будто Пинкроуз этим поступком выказал невероятную смелость. – Мне говорили, что он претендует на пост директора, и я надеюсь, что он получит его. Здесь нужен ученый, который был бы джентльменом. Таких людей немного. Будет приятно наконец-то заполучить одного из них.

Наконец она ушла, и, пока остальные мужчины неторопливо опускались на свои места, Фиппс рухнул на стул, словно подстреленный.

– Я не знал, что Пинкроуз входит в число кандидатов, – произнес он слабым голосом.

– Это так.

– И каковы же его шансы?

– Кто знает? Но он совершенно определенно ухаживал за Грейси. Я не раз видел, как он таскал ему разные подарочки: бутылку хереса, шоколад, цветы.

– О господи, – сказала Гарриет.

Алан рассмеялся:

– Никогда не забуду, как Пинкроуз, словно влюбленный, крался к Грейси с двумя туберозами в руке.

Бен Фиппс без улыбки посмотрел на часы.

– Я позвал вас, – сказал Алан, – потому что Гай хочет познакомиться с вашими друзьями из числа левых греков.

– В самом деле? – ответил Бен, не глядя на Гая. Черные глаза его заметались за стеклами очков. – Я с ними в последнее время совсем не вижусь.

– Полагаю, большинство из них – студенты? – спросил Гай, которого интересовало всё.

– В основном, – ответил Бен. – Старшие уже ушли в армию.

Последовала пауза. Гай выжидающе смотрел на Бена, а тот, понимая, что от него ждут ответа, приподнял бровь в сторону Алана.

– Вы можете отвести его к «Алеко», – наконец пробормотал Фиппс. – Они вечно там сидят. Познакомьте его со Спиро, он работает за стойкой. Он их сведет.

– Возможно, – неохотно согласился Алан.

Фиппс впервые посмотрел на Гая и попытался как-то объяснить.

– Я сам туда уже не хожу, – сказал он и вскочил, увидев автобус. – А вот мой автобус! Увидимся.

Он поспешил прочь. Глядя ему вслед, Алан произнес:

– Обычно майор посылает автомобиль за самыми важными гостями. Видимо, у бедняги Бена есть все причины нерв-

ничать. Кроме того, он, очевидно, старается отмежеваться от своих левых знакомых.

Повернувшись к Гаю, Гарриет внезапно спросила:

– А почему бы тебе не стать директором?

Он изумленно уставился на нее, после чего расхохотался, словно услышал отличную шутку.

– Но почему нет? Ты же единственный член Организации, оставшийся в Афинах. Пинкроуз из Кембриджа, он не имеет ни малейшего представления о работе Организации.

– Дорогая, об этом не может быть и речи, – твердо ответил Гай, желая пресечь этот разговор на корню.

– Но почему?

– У меня нет опыта такой работы, – нетерпеливо объяснил он. – Меня назначили младшим лектором. Если мне удастся получить здесь работу лектора, будет очень хорошо.

– У тебя больше опыта, чем у Фиппса или Дубедата.

– Если один из них получит назначение, – в чем я очень сомневаюсь, – это будет часть некрасивых подковерных игр. Я не собираюсь в них участвовать и пользоваться ситуацией, чтобы получить больше причитающегося.

Отвернувшись от Гарриет, Гай обратился к Алану:

– Я бы хотел сходить в то место, о котором говорил Фиппс.

– «Алеко»? Можно потом туда заглянуть, но... – Алан огляделся в поисках официанта.

Сгущались сумерки; поднялся холодный ветер, и столики на улице стали пустеть.

– Я надеюсь, вы согласитесь со мной поужинать? – спросил Алан и, видя, что Гарриет улыбается в знак согласия, продолжил: – У вас есть какое-нибудь место на примете?

– А могли бы мы пойти в Русский клуб?

Алан рассмеялся. Очевидно, это был очень скромный запрос.

– Конечно могли бы. Он называется клубом, но туда пускают всех.

Клуб состоял из единственной комнаты, которую обставили в начале двадцатых и никогда более не переделывали. Когда они вошли, Алан сказал:

– Мы можем встретить здесь Якимова.

Они и в самом деле тут же его увидели: он сидел за маленьким столиком, а перед ним возвышалась гора блинов.

Он поднял взгляд и пробормотал:

– Дорогая моя! Дорогие! Как я рад вас видеть.

Впрочем, очевидно было, что на самом деле он не рад встрече. Пока они стояли рядом, он размазал по блину красную икру, после чего с сосредоточенной улыбкой оглядел получившийся бутерброд и вывалил на него гору сметаны.

– Да вы гуляете! – сказал Алан.

– Отмечаю кое-что, – ответил Якимов. – Продал автомобиль, мою милую «Испано-Суизу». Немецкий офицер купил его в Бухаресте. Думал, что денег мне не видать, но мой дорогой друг Добсон привез мне пачку купюр. Ваш Яки в кои-то веки при деньгах. Небольших, конечно, только чтобы про-

держаться. Мне их должно хватить надолго.

Якимов ждал, пока они отойдут. Обзаведясь деньгами, он более не нуждался в друзьях. Когда он мог купить себе еды самостоятельно, он питался роскошно – и в одиночестве.

Они уселись в эркере с видом на Акрополь, который скрывался в темнеющих лиловых сумерках, и тоже заказали себе блинов с икрой и сметаной.

– Восхитительно, – объявила Гарриет.

Гай готов был терпеть Русский клуб – точно так же, как и Алана. Он готов был принять тот факт, что некоторые его друзья аполитичны, как если бы они не различали цветов. Он не винил Алана в этой его ограниченности, но держался рассеянно, и было видно, что мыслями он где-то далеко. Гарриет понимала, что Гай просто коротает время в ожидании похода в «Алеко», где можно будет встретить единомышленников. Алан, однако, позабыл об их планах. Он с довольным видом устроился в кресле, готовясь насладиться ужином. По его виду было ясно, что он не намерен никуда двигаться.

Гай, напротив, только и ждал окончания вечера, но держался терпеливо. Гарриет радовалась происходящему. Что-то в окружающей обстановке пробуждало в ней давно забытые мечты о безопасном убежище. Она стала презирать эти мечты, когда отправилась в Лондон, чтобы зарабатывать деньги наравне с другими незаурядными молодыми людьми. Тогда она с негодованием отвергла бы саму идею упорядоченной супружеской жизни. Замуж она вышла ради приклю-

чений.

Когда-то в Бухаресте ее насмешили слова Якимова: «Мы здесь в тихой заводи, мы спокойно переживем войну»: они с Гаем приехали туда, готовые к любым опасностям и даже гибели. Теперь, после всех этих беспокойных месяцев и долгого периода неопределенности, она понимала, что была бы счастлива обрести такое убежище. Но период неопределенности еще не закончился.

– Как вы думаете, итальянцы прорвут оборону? – спросила она.

– Почему вы спрашиваете? – рассмеялся Алан. – Вам бы хотелось этого?

– Нет, но, если мы останемся тут на зиму, нам понадобится теплая одежда. Я всё бросила в Бухаресте, а Гай привез с собой одни лишь книги.

– Вам совершенно точно понадобится пальто.

– Гарриет может купить пальто, если хочет, но я никогда не чувствую холода, – отрезал Гай.

– И нам потребуется какое-то жилье, – продолжала Гарриет.

– Чушь, – возразил Гай. – В гостинице дешево и удобно.

Он не желал тратить время на обсуждение одежды и домов, стремясь как можно скорее покончить с ужином. Когда Алан снова взял меню, Гай сказал:

– Я больше ничего не хочу. Если мы собираемся в «Алеко», думаю, пора идти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.